

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЧЕСТНЫМИ НАМѢРЕНІЯМИ (*).

—
(Окончаніе второй части.)
—

V.

КОНТОРА.

Госпитальную контору составляла обширная квадратная комната, заставленная огромными шкафами и длинными столами, за которыми занимались человекъ десять писарей. За ихъ работою слѣдилъ молодой чиновникъ въ потертомъ форменномъ сюртукѣ и въ желтыхъ, верблюжьяго сукна шароварахъ. Въ противоположной отъ входа стѣнѣ была высокая дверь, оберегаемая кривымъ инвалидомъ.

— Ну, вотъ вамъ, братцы, новый смотритель! сказалъ главный докторъ, представляя меня моимъ подчиненнымъ съ тою наивностью, которая во всякомъ другомъ случаѣ была бы неумѣстна, а къ нему шла удивительно хорошо.

— Честь имѣю представиться: бухгалтеръ Сапоговъ! сказалъ молодой чиновникъ, подойдя ко мнѣ съ развязностью, которой трудно было ожидать отъ «первѣйшаго ябедника по цѣлой губерніи».

— Будемте служить вмѣстѣ, отвѣчалъ я, не безъ любопытства разсматривая его благообразную фізіономію, въ которой прежде всего бросались въ глаза бѣлое лицо и блиставшіе умомъ глаза.

(*). См. «Военный Сборникъ» 1858 г., №№ 2 и 3, и 1859 г., №№ 8 и 9.
Т. IX. Отд. II.

— Можете вы дать мнѣ понятіе о ходѣ нашихъ письменныхъ дѣлъ? продолжалъ я.

— По части бухгалтеріи дѣла въ порядкѣ и идутъ безостановочно, кромѣ двухъ учетовъ, которые требуютъ долгихъ справокъ въ дѣлахъ за прежнее время. Дѣла же по письмоводительской части не совсѣмъ исправны, по той причинѣ, что ужь болѣе года, какъ у насъ нѣтъ письмоводителя... Впрочемъ, въ свободное время отъ бухгалтерскихъ занятій я занимаюсь и письмоводительскими дѣлами.

— Очень хорошо : будемъ ждать письмоводителя, а теперь позвольте мнѣ дѣло о мойкѣ бѣлья поштучно.

Въ отвѣтъ на это, бухгалтеръ посмотрѣлъ на меня съ весьма замѣтнымъ удивленіемъ, выразившимся подѣ конецъ улыбкою, полною ироніи. Потомъ, сказавши: «сейчасъ», онъ подошелъ къ одному изъ шкафовъ, немного порылся въ немъ и, вынувъ тонкую тетрадь, подаль ее мнѣ.

— Смотрите жь, братцы, говорилъ, между тѣмъ, докторъ, имѣвшій, повидимому, склонность пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы произнести спичъ:—смотрите, служите съ новымъ смотрителемъ честно и благородно, какъ Богъ велитъ... А то, этотъ шутить вѣдь не любитъ : какъ разъ велитъ березовой кашей покормить; ну, а крупы для нея отъ подрядчика не требуемъ и изъ магазина не получаемъ : сама въ лѣсу родится... Пойдемъ же теперь въ присутствіе, закончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Комната присутствія тыртолѣсской конторы ничѣмъ не отличалась отъ присутственной комнаты краснобѣльской конторы. Тотъ же длинный столъ, накрытый краснымъ сукномъ, а на столѣ два чернильныхъ прибора на черной клеенкѣ. Не было только покатаго бюро, а вмѣсто него стояли два шкафа съ дѣлами и Сводомъ Законовъ да столикъ для бухгалтера, который въ краснобѣльскомъ госпиталѣ, за нетрезвое поведеніе и гнусную фигуру, былъ преданъ докторомъ Федоромъ Яковличемъ остракизму изъ присутственной комнаты и занимался въ общей канцеляріи, «въ конторѣ».

Усѣвшись на одномъ изъ стоявшихъ вокругъ стола стульевъ, я началъ просматривать дѣло о мойкѣ бѣлья поштучно, между тѣмъ, какъ докторъ завелъ съ бухгалтеромъ разговоръ, нерѣдко отрывавшій меня отъ чтенія.

— Что, братъ Порфирій Семенычъ, сказалъ первый, сядь на свое президентское мѣсто и вынимая изъ кармана серебряные вызолоченные очки: — работишку-то припасъ намъ какую нибудь?

— Есть два опредѣленія на выдачу выписнымъ офицерамъ прогонныхъ денегъ: одно о допущеніи ихъ (онъ указалъ на меня) къ должности; а то, по обѣимъ отдѣленіямъ, текущія бумаги.

— Хорошій ты человекъ, Порфирій Семенычъ, сказалъ на это докторъ, принимаясь подписывать бумаги:—да только строптивъ больно: слова при тебѣ нельзя сказать, чтобъ не сдѣлалъ ты своего возраженія.... Отъ этого-то, братъ, ты не всѣми и любимъ.

— Вольно же не любить меня, очень развязно отвѣчалъ бухгалтеръ: — я исполняю свои обязанности по закону и по крайнему моему разумѣнію, слѣдовательно дѣлаю то, за что слѣдуетъ меня любить, да еще и жаловать... Ну, а что жь я буду дѣлать, если кто нибудь не любитъ меня?... Передѣлывать же себя на другой ладъ я не намѣренъ.

— Ишь вѣдь, какъ говорить! сказалъ докторъ, не скрывая удивленія, отчасти боязливаго, къ вольнодумству бухгалтера:— ну, положимъ, что ты говоришь резонно; да зачѣмъ же эдак-то, строптиво? Добро бы ты былъ какой нибудь большой человекъ, а то всего-на-все коллежскій секретарь... Ну, самъ ты посуди...

— А зачѣмъ же другіе, большіе хотятъ поступать противъ закона и въ ущербъ казенному интересу? возразилъ бухгалтеръ:— и чѣмъ же я виноватъ, что коллежскій секретарь обязанъ указывать старшимъ себя на отклоненіе ихъ отъ закона?..

— На какомъ же основаніи ты обязанъ?

— А на томъ же основаніи, что за неправильность конторскихъ бумагъ бѣльшей отвѣтственности подвергается тотъ, кто скрѣпляетъ ихъ, а не тотъ, кто подписываетъ.

— Ну, хорошо; да зачѣмъ же ты такъ строптиво обращаешься со старшими себя? Вѣдь ты посмотри: ровно зубъ за зубъ; отъ этого и тутъ тоже тебя не любятъ.

— Заслужить любовь нѣкоторыхъ иногда очень нетрудно, отвѣчалъ строптивный бухгалтеръ: — средства для этого извѣстны; но я не могу употребить ихъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не хочу; а во-вторыхъ, потому, что я

человѣкъ бѣдный и содержи большую семью однимъ жалованьемъ въ двѣсти рублей.

— Фу ты, какой сердитый! сказалъ докторъ, окончивъ подписывать бумаги и складывая на столѣ руки.

Бухгалтеръ ничего не отвѣчалъ и обратилъ свое вниманіе на лежавшія передъ нимъ бумаги, какъ бы читая ихъ.

— Вотъ то-то и есть! отозвался докторъ: — забываешь ты, братъ, пословицу: «ласковое телятко двѣ матки сосетъ».

— Нѣтъ, я ее помню, но до сихъ поръ былъ увѣренъ, что она сочинена для телятъ, а не для людей.

— Больше ничего, какъ одна строптивость твоя! замѣтилъ докторъ, сбиваемый съ толку противорѣчіями Сапогова: — вѣдь ужъ не нами, братъ, сказано: «скачи, враже, якъ панъ каже»...

— Это сказано какиминибудь ничтожными, пошлыми людьми, отвѣчалъ чиновникъ: — а намъ, кажется, стыдно бы повторять ихъ слова, да лѣзть изъ кожи, чтобы представить ихъ въ лицахъ... Но, кромѣ того, я не знаю, кому будетъ лестно скакать по приказанію такого пана, какъ какойнибудь Брыковский.

— Эй, не кощунствуй, Порфирій Семенычъ! сказалъ дѣдушка, возмущаемый свободою выражений бухгалтера: — вѣдь ужъ сколько уроковъ ты получилъ! Вонъ, напримѣръ, слѣдствіе какое навязалъ себѣ на шею! Когда раздѣлаешься съ нимъ? Любя говорю: нѣшто пріятно тебѣ?

— Благодарю васъ за расположеніе; но долженъ вамъ сказать, что если на моей шеѣ есть слѣдствіе, то это еще не значитъ, что я совсѣмъ дурной человѣкъ, точно такъ же, какъ не значитъ, что я долженъ молчать передъ людьми, похожими на бывшаго моего смотрителя, да безмолвно смотрѣть на ихъ попытки грабить казну... А когда, къ тому же, этотъ господинъ вздумалъ было меня въ черномъ тѣлѣ держать, или, какъ онъ выразился, «взять меня въ ежовыя», то вотъ вамъ и слѣдствіе... А впрочемъ, при подобныхъ условіяхъ, я готовъ возбудить еще десятокъ слѣдствій...

Въ отвѣтъ на эту возмутительную рѣчь, дѣдушка ударилъ ф-полы руками и только произнесъ: «ну, ну!» За тѣмъ водворилось молчаніе, довольно тягостное, которое, однако, скоро было нарушено мною.

Въ поданномъ мнѣ бухгалтеромъ дѣлѣ, прежде всего остановило мое вниманіе то обстоятельство, что актъ и рапортъ конторы, которыми дѣло начиналось, вмѣсто того, чтобы вести

рѣчь о мойкѣ бѣлья, толковали о необходимости нанять помѣщеніе у частныхъ лицъ для храненія казеннаго госпитальнаго имущества, нынѣ сложеннаго въ такомъ-то и такомъ-то неисправномъ казенномъ зданіи. За тѣмъ уже, остальные документы больше ни о чемъ не говорили, какъ о необходимости мыть бѣлье поштучно.

Прочитавъ первыя двѣ бумаги, я душевно порадовался за бѣднаго старика-доктора, который имѣлъ такія основательныя причины страдать въ ожиданіи несчастія.

— Такъ вотъ, докторъ, сказалъ я ему, указывая на актъ:— вамъ скоро ужъ не придется болѣть сердцемъ за цѣлость казенныхъ вещей!

— Да, слава Богу! подвинули впередъ и это дѣло, отвѣчалъ онъ:— да никакъ ужъ и помѣщенье пріискано... Ты не знаешь, Порфирій Семенычъ?

— Пріискали, съ злостью отвѣчалъ бухгалтеръ:— четыре маленькія комнатки за шестьсотъ рублей въ годъ.

— Это ассигнаціями? спросилъ я.

— Нѣтъ, не ассигнаціями, а чистымъ серебромъ.

— Но здѣсь, кажется, ни одного дома нѣтъ, который весь бы стоилъ шестьсотъ рублей серебромъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, видно, нашли! возразилъ бухгалтеръ:— а по моему, такъ весь Тыртолѣсскъ не стоитъ шестисотъ рублей, добавилъ онъ.

— Ну, это, можетъ, запросили только; а отдадутъ-то и подешевле, замѣтилъ докторъ.

— Хотите пари, что не отдадутъ? обратился къ нему бухгалтеръ.

— Ну, тебя совсѣмъ! смѣясь, отвѣчалъ тотъ:— еще, чего добраго, напророчишь, такъ и взаправду не отдадутъ... Глазъ-то у тебя такой нехорошій: вишь вонъ, совсѣмъ темный.

— Увѣрю васъ, что глазъ мой нисколько не будетъ участвовать въ наймѣ помѣщенія; если хотите, я даже уѣду до окончанія дѣла въ Михайловку... Что жъ, Василій Петровичъ, давайте пари... Ну, на бутылку портера?

— Поди ты, проказникъ!... А вотъ скажи-ка лучше, когда знаешь: кто помѣщенье-то пріискивалъ?

— Разумѣется, комиссаръ: это его обязанность.

— Омичъ?.. Ну, такъ я и думалъ! Вѣдь экая, подумаешь, рука у него тяжелая: куда ни повернется, вездѣ съ него дерутъ

второе противъ другихъ... А вѣдь какой парень-то хорошій: подчасъ даже жаль его станетъ.

— А его-то чего жалѣть? возразилъ бухгалтеръ: — деньги вѣдь казенныя.

— Казенныя!.. Мало чего казенныя : и казенныхъ жаль... Да вѣдь не однѣ же казенныя расходуетъ онъ: расходуетъ и собственныя... а онъ у насъ вишь какой хлѣбосоль: третьяго дня пиروвали у него, а послѣзавтра опять на именины звалъ... Ты будешь, Порфирій Семенычъ?

— Позвольте, господа, перебилъ я: — неужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться, что такое помѣщеніе наймутъ за шестьсотъ рублей?

— Случится навѣрное! подхватилъ бухгалтеръ: — мало ли чего не случается: мѣстные обстоятельства края, неразвитіе общественной жизни, а потому недостатокъ частныхъ строеній... Да не угодно ли вамъ принять мое пари? сказалъ онъ вдругъ, оставивъ свой перечень: — по новости, это будетъ для васъ интересно.

— Но мнѣ хотѣлось бы устроить это дѣло, хоть ради его новости, такимъ образомъ, чтобъ оно обошлось далеко ниже шестисотъ рублей.

— Вотъ въ этомъ-то я и предлагаю пари: ни за что не устроите.

— Людишки-то здѣсь дрянъ, промолвилъ докторъ: — народъ все не русскій, необходимый: сговорить съ нимъ нельзя...

— Извольте, я принимаю ваше пари, сказалъ я, раззадоренный указанными мнѣ ничтожными препятствіями.

— О чемъ пари? спросилъ незамѣтно вошедшій помощникъ доктора.

— Да вотъ такъ и такъ, отвѣчалъ докторъ.

Онъ началъ объяснять ему сущность пари, подъ наблюдениемъ зоркихъ глазъ бухгалтера, нерѣдко переходившихъ съ главнаго доктора на его помощника. Я воспользовался этимъ, чтобы пробѣжать дѣло «о мойкѣ бѣлья поштучно.»

Все оно состояло изъ шести документовъ. Въ числѣ ихъ были: два донесенія подрядчика Тагарханова, повѣстка ему отъ конторы; рапортъ конторы начальствующему генералу, актъ объ освидѣтельствованіи прачешной и предписаніе генерала, которымъ разрѣшалась мойка бѣлья поштучно. Эта послѣдняя бумага послѣдовала недѣли за три до моего прибытія.

Въ первомъ изъ своихъ доношеній подрядчикъ говоритъ, что, по совершенной вѣтхости и негодности строенія, гдѣ помѣщается прачешная, прачки отказываются мыть бѣлье, справедливо опасаясь за свою жизнь, а по случаю наступающаго холоднаго времени, требуютъ къ тому же, для своихъ работъ, такого помѣщенія, гдѣ бы можно было укрыться отъ холода, безъ чего онѣ не соглашаются мыть бѣлье ни за какую цѣну, развѣ такое будетъ отдано имъ на домъ. Кромѣ того, по неимѣнію при госпиталѣ сушильни, съ наступленіемъ дождей, бѣлье, высушиваемое теперь на дворѣ, не можетъ быть приготовлено тогда къ срочному времени, чего онъ, Тагархановъ, на свою отвѣтственность принять не можетъ; между тѣмъ, прачки берутся и сушить бѣлье у себя на дому. Ко всѣмъ этимъ причинамъ онъ находитъ единственное средство пособить горю—это предоста- вить ему «мойку бѣлья поштучно».

На это контора спрашиваетъ его повѣсткою: а на какихъ условіяхъ намѣренъ онъ мыть бѣлье поштучно?

Второе доношеніе подрядчика разрѣшаетъ этотъ вопросъ: если мойка бѣлья поштучно продолжится на всѣ остальные шестнадцать мѣсяцевъ контракта по довольствію госпиталя, то онъ проситъ по $1\frac{2}{7}$ копѣйки отъ штуки большой и малой, съ казеннымъ мыломъ и поташомъ, но съ его дровами и посудю. Если же, по случаю постройки прачешной или найма помѣщенія для нея, до окончанія контрактнаго времени, мойка поштучно будетъ прекращена, то онъ, Тагархановъ, менѣе двухъ копѣекъ отъ каждой штуки, съ казеннымъ же мыломъ, взять не можетъ.

Оба доношенія подрядчика контора представила при рапортѣ своемъ къ генералу, съ просьбою о назначеніи воинской комиссіи, въ составъ которой вошелъ бы инженерный офицеръ для освидѣтельствованія состоянія, въ какомъ находится зданіе прачешной, и постановленія о томъ акта, съ тѣмъ, что если зданіе дѣйствительно окажется нигде негоднымъ, то не оставить своимъ распоряженіемъ объ отводѣ подъ прачешную какого нибудь свободнаго казеннаго зданія или предоставленія конторѣ какихъ либо другихъ средствъ къ безостановочному продолженію мойки госпитальнаго бѣлья.

Составленный воинскою комиссіею актъ, опозоривъ со- всѣмъ зданіе прачешной, положительно опредѣлилъ полную и явную опасность для жизни прачекъ.

Наконецъ генеральское предписаніе, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, разрѣшало отдать мойку бѣлья съ платою по двѣ копѣйки отъ каждой штуки, впредь до наступленія теплаго времени, когда можно будетъ построить для прачешной временной навѣсъ. Свободныхъ же казенныхъ зданій и удобныхъ частныхъ помѣщеній въ Тыртолѣсскѣ нѣтъ, такъ же, какъ нѣтъ никакого другаго способа для безостановочной мойки казеннаго бѣлья.

Между тѣмъ, какъ я оканчивалъ чтеніе дѣла, помощникъ доктора успѣлъ, повидимому, проникнуть въ сущность нашего пари.

— Конечно, сказалъ онъ, выслушавъ объясненіе доктора:— въ нашемъ безлюдьи не диво будетъ, если торговецъ заартачится да, пользуясь неизбѣжною нашею надобностью, заломитъ безбожную цѣну. Это ему позволительно по двумъ причинамъ: потому, что конкуренціи нѣтъ, и потому, что онъ торговецъ. А вотъ, если въ каменногорскомъ госпиталѣ дѣлается до сихъ поръ то, что дѣлалось тогда, какъ я въ немъ служилъ, такъ это, точно, на удивленье свѣту...

— А что? сказалъ докторъ.

— Да то, что казенныхъ зданій для госпиталя тамъ нѣтъ, а больныхъ постоянно бываетъ не менѣ четырехсотъ человекъ. въ лѣтнее же время, по случаю курса минеральныхъ водъ, это число переходитъ далеко за тысячу. Такъ вотъ для всѣхъ этихъ больныхъ, а также для помѣщенія конторы, аптеки, приводнаго покоя и для всѣхъ хозяйственныхъ заведеній госпиталя нанимаются частные дома... Порядочную вѣдь сумму казна платитъ по этому найму, какъ думаете?

— Да, проговорилъ докторъ, повидимому, считая что-то въ умѣ:—тысячъ тридцать, коли не больше.

— Больше! возразилъ помощникъ.—Ну, а какъ вы думаете, продолжалъ онъ:—сколько тутъ казна приплачиваетъ лишняго?

— Какъ это, лишняго? спросилъ я.

— То есть такихъ денегъ, которыя идутъ въ карманъ не дозьяина, а совсѣмъ въ другіе карманы.

Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, что казна ничего не должна бы приплачивать лишняго, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, она должна непременно приплачивать! горячо возразилъ помощникъ.

— На какомъ же основаніи?

— А хоть бы на томъ основаніи, что разсчетливый хозяинъ, видя, что у него по домашней жизни идутъ большіе расходы, обыкновенно покупаетъ или строитъ собственный домъ, а не живетъ въ наемномъ... Есть и другія причины, прибавилъ помощникъ:—да тѣ какъ-то ужь слишкомъ общія: сюда нейдутъ.

— Ну, такъ сколько жь казна приплачиваетъ лишняго въ Каменногорскѣ-то? спросилъ докторъ.

— Да ровно на половину, отвѣчалъ помощникъ.

— На половину! вскричалъ я.

— Тридцать тысячъ, принялся высчитывать вполголоса главный докторъ: — да Олексѣичъ говоритъ, больше... ну, сорокъ: это шахішум... сорокъ тысячъ... Половина прочь—двадцать тысячъ... Съ двадцати тысячъ...

Тутъ докторскаго голоса не стало слышно; но чрезъ минуту онъ сказалъ въ слухъ:

— Ничего: смотрителю тамъ жить можно!

— Да и главному доктору, я думаю, тоже, прибавилъ бухгалтеръ.

— А главному-то доктору что? возразилъ тотъ: — это совсѣмъ не его часть: это часть чисто-хозяйственная... А давно ты служилъ въ Каменногорскѣ? продолжалъ онъ, обратившись къ своему помощнику.

— Да больше десяти лѣтъ назадъ, отвѣчалъ онъ.

— А кто былъ тогда смотрителемъ?

— Да тотъ же, кто и теперь: Степанъ Степанычъ.

— Фа!... Капиталистъ долженъ быть теперь! съ чувствомъ произнесъ докторъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, задумался о чемъ-то:—здакъ и въ отставку бъ можно было за добра-ума, продолжалъ онъ въ размышленіи: — гм! да какже это, братецъ ты мой, они такъ дѣлаютъ, что половина-то у нихъ остается? спросилъ онъ съ усиленіемъ, обличавшимъ желаніе освободиться отъ какого-то тяжелаго недоразумѣнія.

— Очень просто, отвѣчалъ помощникъ: — Степанъ Степанычъ идетъ къ хозяину того дома, который признанъ годнымъ для помѣщенія больныхъ, и говоритъ ему: «Хотите отдать вашъ домъ подъ госпиталь?»—«Хочу», отвѣчаетъ тотъ. «Сколько вы хотите за него въ годъ или въ мѣсяцъ?»—«Столько-то», положимъ, сто рублей.—«Это много; но вы получите ваши сто, съ тѣмъ, однако, что вы должны расписываться по книгѣ въ полученіи двухсотъ. Согласны?...» А тому, какъ не быть соглас-

нымъ, когда онъ, запросивши сто рублей, сказалъ ровно двойную цѣну противъ того, какъ домъ ходилъ въ частномъ наймѣ... Ну, вотъ эдакъ-то дѣла дѣлались въ Каменногорскѣ споконъ вѣку и до нашихъ дней. Въ послѣднее только время, слышалъ я, что Степанъ Степанычъ немного маху далъ: хотѣлъ прижать одного домохозяина, по случаю старости его лѣтъ и полученія отставки; не помню, какъ его фамилія, но дѣло въ томъ, что кромѣ дома и пенсіона онъ ничего не имѣетъ, а семья большая; ну, и уперся старикъ: «не хочу, говорить, исполнить вашего требованія: до царя дойду, а не согласусь!...» Да правду сказать, и Степанъ Степанычъ ужь слишкомъ не у мѣста выказалъ свою пріобрѣтательную способность: хотѣлъ старику дать вмѣсто ста рублей семьдесятъ-пять, а чтобъ росписывался въ полученіи тѣхъ же двухсотъ: «будетъ съ васъ, говоритъ, семидесяти-пяти: вашъ домъ старый — больше не стоитъ; а не хотите, такъ совсѣмъ не найму!...» «Нѣтъ», говоритъ старикъ, «это не такъ, а вотъ какъ: вы столько-то лѣтъ принуждали меня обманывать свою совѣсть и нашего великаго государя; хорошо: этотъ грѣхъ я принималъ ради дѣтей моихъ; но теперь, когда вы покушаетесь и на достояніе дѣтей, такъ я тоже сдѣлаю свое дѣло: буду просить, чтобъ меня судили; но за то ужь и вы не будете больше грабить казну!...» Да такую кашу заварилъ—было старикъ, что едва-едва упросили оставить дѣло; а то бы плохо пришлось Степану Степанычу: слетѣлъ бы съ мѣста!

— По этому судя, замѣтилъ докторъ: — у твоего Степана Степаныча голова хоть не больно умная, за то характеръ, должно быть, сильный.

— Что касается до характера, отвѣчалъ помощникъ: — такъ это точно: можетъ выдержать какую угодно бурю... Да вотъ недавно пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Каменногорска братъ и рассказывалъ анекдотъ, который до сихъ поръ ходитъ по городу. Пріѣхалъ туда новый комендантъ... Известно, новая метла хорошо мететь; а можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, человекъ онъ правдивый... Есть вѣдь такіе! замѣтилъ помощникъ, насмѣшливо улыбувшись.—Ну, вотъ и началъ онъ мести въ госпиталѣ: то не хорошо, это гадко, другое скверно... Степанъ Степанычъ, по своему обыкновенію, слушаетъ и молчитъ. Комендантъ пуше: ужь и бранить начинаетъ, какъ будто служителей, а дѣло-то, разумѣется, не служительское... Степанъ Степанычъ пыхтитъ, от-

дуается, но молчитъ; а тутъ за комендантомъ ходитъ весь штатъ: главный докторъ, комиссаръ, дежурный лекарь, дежурный офицеръ, да фельдшеровъ и надзирателей человекъ по пяти... Наконецъ, увидалъ комендантъ у одного больного булку совсѣмъ сырую, позабылъ все и говоритъ Степану Степанычу: «ко всему этому, вы вотъ еще чѣмъ кормите больныхъ!... Мерзавецъ вы!...» Сказавши это, бросилъ булку на полъ и ушелъ изъ палаты; а черезъ десять минутъ ординарецъ принесъ больному французскій хлѣбъ...

— Что жь Степанъ Степанычъ? спросилъ докторъ.

— Какъ только ушелъ комендантъ, Степанъ Степанычъ прежде всего обратился къ образу и перекрестился, потомъ, повернулся къ прочимъ лицамъ и, взглянувъ еще на образъ, сказалъ: «Господи! благодарю Тебя за характеръ, который Ты мнѣ далъ!... Ну, сами скажите господа: что бы другой на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ?... Господи, Господи, благодарю Тебя!...»

— Такъ вотъ онъ каковъ, твой Степанъ Степанычъ! сказалъ докторъ: — ну, персона замѣчательная!... Скажи, по крайней мѣрѣ, какъ его фамилія: эдакаго человека знать нужно.

— Его фамилія Гвоздевъ.

— Гвоздевъ!... Ну, братъ, прочный же ты гвоздь: не перекуешь тебя теперь и въ кузницѣ... Одначе, продолжалъ онъ, взглянувъ на часы:—подписывай-ка, Олексѣвичъ, опредѣленія-то да пойдемъ адмиральскій часъ справлять: время ужъ!...

Помощникъ началъ просматривать и подписывать опредѣленія; а я предался раздумью о томъ, какъ бы округлить вопросъ, вертѣвшійся у меня въ головѣ.

— О чемъ задумался, Иванъ Константинычъ? спросилъ докторъ, дотронувшись до моего плеча: — али удивляютъ тебя порядки, какіе бываютъ въ иныхъ госпиталяхъ?

— Нѣтъ, я думаю о томъ, какъ бы эти порядки не завелись у насъ.

— Не бойсь, не заведутся! отвѣчалъ докторъ съ откровенностью простака, которая такъ шла къ нему:—мы, братъ, люди не жадные: большаго не желаемъ, а пользуемся только тѣмъ, что падаетъ къ намъ какъ манна съ неба: хоть не бери, такъ сама въ ротъ попадетъ.

— Я бъ этому охотно повѣрилъ и даже порадовался бы, еслибъ не видалъ фактовъ, которые противорѣчатъ вашимъ словамъ.

Помощникъ искоса взглянулъ на меня и продолжалъ свое занятіе; а бухгалтеръ посмотрѣлъ на меня прямо, улыбнулся своею тонкою улыбкою и не спускалъ съ меня глазъ до самаго окончанія разговора.

— Какіе жь это факты? спросилъ докторъ, перенося очки съ носа на лобъ.

— Да вотъ, напримѣръ, наемъ дома за 600 рублей...

Помощникъ оставилъ свое занятіе и обратился всею фигурою ко мнѣ.

— Этотъ домъ, можетъ быть, не будетъ нанятъ, сказалъ онъ: — и не будетъ нанятъ собственно по дороговизнѣ: контора не можетъ допустить такого найма; но если онъ и состоится, то задняя мысль тутъ будетъ не у мѣста, потому что домъ этотъ, по удобству для нашей надобности, есть единственный во всемъ Тыртолъсскѣ, и хозяинъ его, армянинъ, зная это очень хорошо, легко можетъ заупрямиться и не сдѣлать ни малѣйшей уступки... Во-вторыхъ, разрѣшенія нанять за эту цѣну мы и не просили; а напротивъ, донесли, что, по мнѣнію конторы, эта цѣна неимоვნно высока и что контора не считаетъ себя вправѣ дать ее... Вы вѣдь читали тамъ рапортъ нашъ? заключилъ онъ.

— Читалъ, отвѣчалъ я:—и теперь нахожу, что на это дѣло слѣдуетъ, дѣйствительно, смотрѣть иначе.

— Ну, вотъ видите ли, началъ-было помощникъ...

— Да не опасайся, братъ Иванъ Константинычъ! перебилъ докторъ: — вотъ послужишь съ нами немного, всмотришься въ нани порядки да въ наши дѣйствія, такъ увидишь, что мы люди хоть и простые, но прямые, и идемъ по проторенной дорожкѣ, а на сторону сбиваться не любимъ, да и не мастера...

— Нѣтъ, позвольте, Василій Петровичъ! перебилъ, въ свою очередь, помощникъ:—Иванъ Константинычъ человекъ свѣжій, комиссаріатской службы не знаетъ, да и не любитъ; поэтому не только многое, а просто все, что онъ видитъ у насъ, непременно должно возбуждать въ немъ всякія сомнѣнія, часто неблагоприятныя, и онъ очень хорошо дѣлаетъ, что высказываетъ ихъ здѣсь, на мѣстѣ, гдѣ онъ видитъ своими глазами все, что кажется ему такъ, и гдѣ онъ имѣетъ всѣ средства убѣдиться, не сходя съ мѣста, въ основательности или неправильности того или другаго дѣйствія... Мы собираемся съ нимъ служить: кто же, какъ не мы, обязаны дать ему объясненіе въ томъ, чего не могутъ ему объяснить самые факты?... Наша же служба такими

фактами богата... Скажите жь, Иванъ Константиновичъ, что еще особеннаго бросилось вамъ въ глаза?

Монологъ помощника невольно отвлекъ мое воображеніе къ тому мѣсту секретарской лекціи о «сослуживцахъ», гдѣ Иванъ Павлычъ говорилъ мнѣ: «помощникъ главнаго доктора есть тотъ же главный докторъ, особливо, если тотъ въ этомъ мѣстѣ плохъ»... Однако, глупая память заставила меня опоздать съ отвѣтомъ. За меня отвѣчалъ бухгалтеръ.

— Ихъ беспокоитъ штучная мойка бѣлья, сказалъ онъ.

— Что же вамъ кажется въ ней особеннаго? спросилъ помощникъ.

— Расходы велики, нерѣшительно отвѣчалъ я.

— А пускай выстроятъ прачешную и сушильную, тогда и расходовъ большихъ не будетъ... Развѣ по нашему желанію устроилась штучная мойка бѣлья?... Да еслибъ и было тутъ съ нашей стороны какое нибудь недоброе пополозновеніе, развѣ могли бы мы сдѣлать что нибудь неправильное?... Здѣсь есть начальство, есть и комендантъ, который въ подобныхъ случаяхъ несетъ отвѣтственность, одинаковую съ нами; а слѣдовательно, прежде, чѣмъ подписать какой нибудь актъ, онъ самъ придетъ въ госпиталь, и лично удостовѣрится—дѣйствительно ли нужно то, чего требуетъ контора...

— Но вотъ обстоятельство, которое приводитъ меня въ соблазнъ, сказалъ я, на половину убѣжденный его доводами: — изъ этого дѣла видно, что подрядчикъ обязался отдавать мыть и сушить бѣлье прачкамъ на домъ; а, между тѣмъ, оно моется на госпитальной прачешной и сушится на госпитальномъ дворѣ. Какже согласить это противорѣчіе?

Вопросъ этотъ, повидимому, засталъ помощника врасплохъ. Однако, подумавъ немного, онъ отвѣчалъ:

— Очень просто: вѣроятно, подрядчикъ выпросилъ у нашего инженера прачешную и моетъ себѣ тамъ бѣлье... Какая намъ до того надобность?

— А та надобность, что могли выпросить ее и мы, да и дѣлать то же, что дѣлаетъ подрядчикъ, только не плативши ему огромныхъ денегъ.

— Нѣтъ, мы не имѣли права этого сдѣлать.

— Это почему?

— А потому, что, по акту, который вы читали, строеніе пра-

чешной признано совершенно негоднымъ и грозящимъ разрушеніемъ.

— Мало чего не пишется! А судя по тому, что дѣлается, актъ можно считать неправильнымъ: вѣдь моютъ же теперь прачки и не опасаются лишиться жизни!...

— Такъ докажите же комиссіи, что она неправильно составила актъ, перебилъ съ нѣкоторою горячностью, помощникъ.

Но въ ту же минуту онъ успокоился и продолжалъ покойнымъ и даже безстрастнымъ тономъ:

— Но позвольте, Иванъ Константиновичъ: рѣчь у насъ идетъ о тѣхъ дѣйствіяхъ новыхъ вашихъ сослуживцевъ, которые могутъ возбуждать въ васъ, да и во всякомъ новомъ человѣкѣ, незнакомомъ съ подробностями госпитальной службы, какуюнибудь заднюю мысль... Будемте жь держаться пока одного этого предмета, и покончимъ съ нимъ однимъ ударомъ... О мойкѣ бѣлья, о наймѣ помѣщенія для цейхгауза и о всякой другой операциі, или, пожалуй, о всякомъ другомъ расходѣ казенныхъ денегъ, выходящемъ изъ круга обыкновенныхъ расходовъ, вы смѣло можете питать сомнѣніе въ какой вамъ угодно степени, если только между фактами, которые теперь разсматриваете и которые будете видѣть впоследствии, замѣтите малѣйшее домогательство со стороны конторы. Напротивъ, мы, понимая щекотливость нашего положенія при такомъ дурномъ устройствѣ госпиталя, дѣйствовали крайне осмотрительно, не принимая на себя ничего: мы только представляли о нуждахъ госпиталя, а средства къ удовлетворенію ихъ отдавали на выборъ самаго начальства... Просмотрите еще хорошенько дѣло, которое у васъ въ рукахъ, и если вы встрѣтите хоть одно слово, намекающее на какоенибудь скрытное желаніе членовъ конторы, тогда имѣете право думать о насъ все дурное.

Повинуясь магнетическому дѣйствію словъ помощника, я невольно схватился за свою тетрадь и снова пробѣжалъ ее. Но ни малѣйшаго желанія, ни малѣйшаго домогательства нельзя было прочесть ни въ одной бумагѣ, ни въ одной фразѣ конторы: одни голые факты, одни казенные выраженія, даже безъ предсказаній, что, вслѣдствіе такой-то неисправности, слѣдуетъ ожидать того-то или того-то. Не зная, какъ согласить видимую добросовѣстность въ дѣйствіяхъ конторы съ расходами въ шестьсотъ рублей по найму четырехъ комнатокъ, и по новому способу мойки бѣлья, цифра котораго мнѣ еще была неизвѣстна, я во-вре-

мя припомнилъ совѣтъ Рыбакова: не спрашивать ни о чемъ, а добиваться всего самому.

— Да, сказалъ я, немного подумавъ: — тутъ нѣтъ ничего для задней мысли.

— Значить, это дѣло конченное! подтвердилъ помощникъ. — Скажите, что еще замѣтили вы у насъ сомнительнаго?

— Я почти ничего еще не видѣлъ, и потому ничего не могъ замѣтить...

— Ну, и прекрасно! перебилъ главный докторъ, вставая и укладывая въ футляръ очки. — Пусть онъ послужить съ нами немного да присмотрится ко всему самъ, тогда, если нужно, такъ и спросить, чего не пойметъ; теперь же будетъ тебѣ, Олексѣичъ, экзаменовать его: кончай съ опредѣленіями да пойдемъ водку пить!

Помощникъ подписалъ послѣднее опредѣленіе и спросилъ:

— А больше ничего нѣту?

— Ничего, отвѣчалъ бухгалтеръ.

— Ну, пойдите жь, братцы! сказалъ докторъ, взявшись за фуражку. — А ты, Порфирій Семенычъ, не хочешь водочки?

— Нѣтъ, покорно благодарю: обѣдъ боюсь испортить.

Передъ выходомъ изъ присутствія, я взглянулъ на подписанные докторами опредѣленія: внизу каждаго я прочелъ подписи: «главный докторъ, статскій совѣтникъ Іерихонскій; за нимъ оставалось пустопорожнее мѣсто для Карла Абрамыча, и, наконецъ, въ самомъ низу: «помощникъ главнаго доктора, надворный совѣтникъ Воздвиженскій».

VI.

гульбище.

Выйдя изъ конторы, мы направились къ докторскому дому, стоявшему очень недалеко отъ госпиталя. На дорогѣ присоединились къ намъ Ефимъ Ефимычъ и комиссаръ; а вдали замѣтили мы Карла Абрамыча, который расхаживалъ по госпитальному двору точно въ той же позѣ, какъ и у себя въ комнатѣ: съ сигарой въ зубахъ и съ заложенными за спину руками. Отступивъ на полъ-шага, ходилъ за нимъ Барабановъ, держа въ рукѣ фуражку и бойко взглядывая на своего начальника. Но, замѣтивъ насъ, Барабановъ опрометью бросился въ нашу сторону, отвѣчая что-то Карлу Абрамычу уже на бѣгу. По дальности разстоянія, док-

торъ счелъ неудобнымъ звать моего помощника голосомъ и только рукою сдѣлалъ пригласительный жестъ, на что Карлъ Абрамычъ отвѣчалъ жестомъ отрицательнымъ и повернулся отъ насъ въ противоположную сторону.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь! сказалъ на это дѣдушка:— была бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избави...

— Что жь, братцы, продолжалъ онъ:— выпьемъ водочки, да и пойдемъ взглянуть на плясуна. Ишь, какъ онъ надсѣдается! замѣтилъ онъ, обращая наше вниманіе на площадь.

Мы согласились идти взглянуть на плясуна.

Длинный одноэтажный домъ главнаго доктора устроенъ, какъ видно, хозяйственнымъ образомъ для большой семьи и чуть ли не былъ самымъ лучшимъ изъ частныхъ домовъ во всемъ Тырто-лѣвскѣ. Въ двухъ первыхъ комнатахъ, опредѣленныхъ для гостей, царствовали порядокъ и чистота, безъ всякаго признака роскоши или желанія блеснуть тѣмъ, на что не имѣется средствъ. Немолодая дама, въ очкахъ, съ фізіономіей умной, выражающей сильный характеръ, приняла насъ очень привѣтливо, хотя и безъ той нѣсколько приторной любезности, которую отличается большая часть провинціальныхъ хозяекъ. Кавалеръ, привыкшій къ приему такого рода, могъ заподозрить докторшу въ гордости, столь невыносимой для уѣздной молодежи, которая обыкновенно составляетъ въ подобныхъ случаяхъ кабаль, съ цѣлью «осадить», во что бы то ни стало, возгордившуюся барыню и указать этому сверчку доставшійся на его долю шестокъ. Вглядѣвшись пристально въ наружность докторши, можно было поручиться, что едва ли подобный урокъ могъ на нее подѣйствовать; скорѣе слѣдовало ожидать, что сами кавалеры добровольно откажутся отъ своихъ воинственныхъ попытокъ.

Не успѣлъ я ознакомиться съ наружностью докторши, какъ изъ дверей слѣдующей комнаты вышли одна за другою пять дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ смотрѣли уже невѣстами. Прехорошенькій лѣтъ пяти мальчикъ встрѣтилъ насъ еще въ первой комнатѣ. Наружность и скромныя безъ жеманства манеры дѣвицъ обличали дѣльное домашнее воспитаніе, на которое посвящена была вся жизнь матери. Этимъ самымъ объяснялось нѣкоторымъ образомъ и чувство собственного достоинства, замѣтное въ ея обращеніи съ гостями, и причина ласковаго, но нѣсколько холоднаго приема, который мы встрѣтили. Вообще, глядя на маленькихъ, скромныхъ дочерей докторши, нельзя было не приз-

нать справедливости извѣстнаго убѣжденія, что домашнее воспитаніе есть самое разумное изъ всѣхъ, принятыхъ нашимъ обществомъ.

Дѣвицы окружили отца, съ которыми сегодня еще не видѣлись.

— Здорово, крысы-бѣлобрысы! говорилъ старикъ, цѣлуя и лаская каждую.—Ну, вотъ мои невѣсты! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—не хочешь ли, Иванъ Константинычъ, жениться: сейчасъ отдамъ люблю.

— Еслибъ я не былъ женатъ, ручаюсь вамъ, что недолго бы медлилъ отвѣтомъ.

— А что, тотчасъ отказался бы! подхватилъ старикъ, засмѣявшись: — ну, да ладно!... Кто у васъ нонче дежурная-то? продолжалъ онъ, обратившись къ дочерямъ:—давайка-те намъ водки проворнѣе.

Одна изъ дѣвиць-подростковъ отдѣлилась отъ группы и вышла изъ гостиной, чтобы исполнить приказаніе.

Впродолженіе четверти часа, что мы разговаривали съ докторшею и ея дочерьми, закуска была уже готова, и нашъ хозяинъ, слѣдуя за человѣкомъ, несшимъ поднось, бралъ насъ за руки и велъ изъ гостиной въ первую комнату, служившую въ одно время и заломъ, и кабинетомъ.

— Ну-ка-те! сказалъ онъ, наливъ рюмку и подавая ее мнѣ:— выпей братъ, Иванъ Константинычъ, за наше знакомство да за согласную службу впоследствии.

Я протянулъ руку, чтобы взять рюмку; но дѣлушка проворно поднесъ ее къ губамъ и, выпивъ залпомъ, поспѣшилъ налить снова, заливаясь при этомъ самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Что, братъ, ожогся! говорилъ онъ, продолжая смѣяться:— теперь знаешь, каково быть обманутымъ... Это пускай будетъ тебѣ урокомъ: когда задумаешь, какъ ни на есть, обмануть меня, вспомни лишь про эту рюмку... Ну, теперь съ Богомъ, на здоровье! прибавилъ онъ, окончательно передавая рюмку въ мои руки.

Я выпилъ водку, не успѣвъ разъяснить загадки—почему мнѣ можетъ придти фантазія, какъ ни на есть, обмануть доктора.

— Ну, что, Ефимъ Ефимычъ, началъ онъ снова, обращаясь къ желтоглазому медуку:—какъ твой кофій идетъ?

— Какой кофе? спросилъ Ефимъ Ефимычъ, обращая свои глаза, какъ Собакевичъ, на потолочный карнизъ.

— А что ты производишь въ своемъ Кудларскомъ отдѣленіи вмѣсто вина на второй порціи.

— Никакого кофе я не произвожу, отвѣчалъ Ефимъ Ефимычъ, переводя недовольный взглядъ съ карниза на закуску.

— Толкуйко-сь ты! возразилъ докторъ:—будто мы ужъ и не знаемъ!... Шила, братъ, въ мѣшкѣ не утаишь!... А славная, однако, должно быть, эта штука, кофій! продолжалъ онъ: — должно быть, для больныхъ полезно!... ужъ навѣрно полезнѣе, чѣмъ кислота, которая въ контрактѣ виномъ зовется...

— Ну, и попробуйте, когда славная! сказалъ Ефимъ Ефимычъ, улыбувшись съ замѣтнымъ лукавствомъ.

— А что жъ, и попробую!... Ты думаешь, не попробую? Вотъ посмотришь!... Да ты какъ: опредѣленіе что ли составлялъ на замѣну вина кофиемъ?

— Никакихъ опредѣленій я не составлялъ.

— Ну, безъ опредѣленія, братъ, не годится: откроется какъ нибудь, такъ тогда выйдетъ что-то безгласное... Ну, да ладно, ужѣткова-подумаемъ, какъ лучше сдѣлать, а теперь, возгласилъ дѣдушка, снова наливая рюмку:—*repetitia est mater studiorum!*

Ефимъ Ефимычъ и дѣдушка сдѣлали репетицію; я отказался.

— Что жъ, братъ, сказалъ докторъ:—такъ не годится... Ты, видно, не знаешь: *repetitia est mater studiorum* — есть правило древнихъ мудрецовъ.

— Это очень хорошее правило, отвѣчалъ я:—по для меня въ этомъ отношеніи оно вредно.

— Ну, какъ знаешь... Пейте жъ, братцы, вино, да пойдѣмъ на гульбище.

Простившись съ супругою доктора, мы вышли изъ дома и скоро очутились на площади, посреди толпы народа, между которымъ попадались офицерскіе и даже штабъ-офицерскіе эполеты.

Поводомъ для стеченія публики служили: плохо натянутый канатъ, круглыя качели, палатка, въ которой извѣстный «Петрушка» потѣшалъ нашихъ солдатиковъ, и бородачъ-мужикъ, безъ-устали вертѣвшій ручку ящика на высокихъ ножкахъ, называемаго райкомъ, причѣмъ онъ объяснялъ нараспѣвъ содержаніе разнаго рода картинъ, составлявшихъ репертуаръ его театра. Второстепенною, хотя и немаловажною принадлежностью этого «гульбища» были оборванные налатки, въ которыхъ продавалось дешевое красное вино, и наконецъ столы, расположен-

ные на открытомъ воздухѣ и уставленные разнаго рода лакомствомъ для простаго народа. Поодаль всего этого, но какъ предметъ, дополнявшій картину, стоялъ досчатый кабачекъ-выставка.

— Ишь-ты! сказалъ дѣдушка, указывая на выставку пальцемъ: — трехпробный-то генералъ нашъ не позабылъ своего дѣла!

— Какой это генералъ? спросилъ я.

— А управляющій питейною конторою.

— Отчего жь вы зовете его генераломъ? Онъ, можетъ быть, какойнибудь мѣщанинъ.

— Да мѣщанинъ же и есть, только жалованье получаетъ онъ генеральское; отъ этаго я и зову его генераломъ.... ну, а для отличія — трехпробнымъ.

Слово «жалованье» напомнило мнѣ деньги, которыя считалъ хромой солдатъ въ квартирѣ комиссара.

— Какъ это вы оставляете столько казенныхъ денегъ на произволь солдата? сказалъ я Ѳомичу.

— Да это не въ первый разъ. отвѣчалъ онъ, немного сконфузившись: — деньги завсегда были цѣлы.

— Все-таки, подобное довѣріе ужь слишкомъ велико, а потому мнѣ кажется оно лишнимъ, и я прошу васъ впередъ не дѣлать этаго.

Коммиссаръ улыбнулся съ свойственною однимъ хохламъ ироніею.

— Это напрасно, Иванъ Константинычъ, сказалъ онъ: — худаго ничего изъ этого не можетъ выйти: мы на собственномъ опытѣ это знаемъ.

— На какомъ опытѣ?

— Да на служебномъ.

— Это какъ?

— Да такъ, что если бъ и намъ было такъ же тепло и сытно, какъ этому солдату у меня-то, право, не было бъ опаски оказать намъ такое же довѣріе, какое я оказываю моему хромому.

— Ну, нѣтъ, сказалъ я: — вы довѣряете вашему хромому потому, что хорошо его знаете и убѣдились, что онъ честный человекъ; а другому-то солдату вы вѣдь не дадите считать денегъ, да притомъ еще и казенныхъ.

— Это правда; только оно къ намъ не относится.

— Вотъ какъ! Это любопытно!... Расскажите, пожалуйста, почему?

— Теперь некогда; а вотъ ужъ, когда начнете приемку имущества, такъ сами увидите; а чего не поймете, спросите: я объясню....

— Ну, хорошо; но не забудьте же....

Между тѣмъ, дѣдушка, отдѣлившись отъ насъ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за движеніями и словами «Петрушки», доставлявшими ему, повидимому, чистосердечное удовольствіе. Помощникъ же его, Павелъ Алексѣичъ, обратилъ мое вниманіе на канатнаго плясуна, который своимъ искусствомъ возбуждалъ наше удивленіе чуть ли не въ болѣе степені, чѣмъ возбуждали его въ прежнее время ученые и привилегированные европейскіе фокусники. Кромѣ движеній и прыжковъ, по истинѣ замѣчательныхъ, онъ въ особенности обращалъ на себя вниманіе своимъ костюмомъ, совершенно оборваннымъ, открывавшимъ бронзовую грудь и не скрывавшимъ грязной оборванной рубашки и таковыхъ же исподнихъ, а главное — своими позами, блиставшими отсутствіемъ аффектаціи. Глядя на его безукоризненную ловкость и грацію, если только она была когда нибудь одѣта въ такой нищенскій костюмъ, я вспомнилъ отзывъ Зисперса о фельдфебелѣ Барабановѣ и ужъ не зналъ, что подумать о ловкости послѣдняго.

— Посмотрите, говорилъ мнѣ Павелъ Алексѣичъ, указывая на татарина, который такъ же покойно сидѣлъ въ эту минуту съ поджатыми ногами на канатѣ, какъ сидѣлъ бы у себя дома на коврѣ: — это онъ цѣлый день такъ прохлаждается: ѣсть и пить тамъ... А сколько, вы думаете, получить онъ вознагражденія за труды свои? Какъ видите, за входъ ни съ кого не берутъ, а предоставляетъ онъ своей многочисленной публикѣ оцѣнить его искусство и доставляемое имъ удовольствіе, по собственному усмотрѣнію cadaго, и на этомъ основаніи бросить въ это подобіе шапки, что валяется около каната, столько, сколько кому угодно. Ну, вотъ любители изящнаго и бросаютъ кто грошъ, кто копѣйку; немало и камешковъ найдетъ онъ въ шапкѣ.... и составитъ у него такимъ манеромъ за день капитала рубль, а много полтора.... И вотъ вознагражденіе за тяжкій, полный опасности трудъ.... Правда, говорятъ, это не трудъ, а гаерство; ну, да какъ бы то ни было, бросимте ему по двугривенному.

Мы бросили.

— Аны, братецъ, всѣ подлецы! говорилъ стоявшій подлѣ насъ краснощекій штабъ-офицеръ, употреблявшій слово «аны», вмѣсто «они»:— я ихъ еще въ Персіи зналъ: это лѣнь, братецъ, непримиримая. Народъ-то, знаешь, здоровый, только бы работать, — а работать-то не хочется; вотъ аны и давай учиться плясать.... Въ солдаты бѣ ихъ всѣхъ побрать да вотъ ко мнѣ бы въ баталіонъ: я бы ихъ людьми подѣлалъ.

Мы пошли далѣе и скоро соединились съ докторомъ, который въ это время отъ души смѣялся похождениямъ Петрушки.

— Ну, ужъ проказникъ! говорилъ старый добрякъ, рѣшаясь наконецъ оторваться отъ своей забавы: — да вѣдь какой буянъ: всѣхъ бьетъ, кто ни попадетъ; да ужъ за то опосля и самого же поколотили.... добрѣ поколотили... Я думаю, какъ бы и бухгалтеру нашему не покончить тѣмъ же....

— Пойдемъ побалуемся, говорилъ толкавшійся около насъ черноволосый солдатъ своему бѣлокурому товарищу, на видъ простоватому.

— Во што? спросилъ тотъ, оскаливая зубы: — небось опять въ попадешь-непопадешь?

— Да, вишь ты ловкій: любишь попадешь-непопадешь!... Небось, охочь на шарамыжку вина-то выпить!... Ну, да ужъ такъ и быть, пойдемъ: проиграю въ послѣдній разъ семишникъ — да и крышъ!...

Они направились къ палаткамъ съ краснымъ виномъ.

— Чтò это за игра: попадешь-непопадешь? обратился я къ помощнику.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ: — въ первый разъ слышу.... А должно быть, что нибудь любопытное: ужъ солдатъ не выдумаетъ чего нибудь обыкновеннаго, когда дѣло коснется интереса.

— А пойдемъ посмотримъ! возгласилъ дѣдушка.

Мы подошли къ палаткѣ, въ которую скрылись солдаты, и, услышавъ голоса ихъ въ задней ея части, зашли по ту сторону «заведенія» и стали смотрѣть въ отверстіе его, образуемое верхнею полою, до половины отъ вѣтхости упавшею. Внутренность палатки раздѣлялась холщевою перегородкою на двѣ части: въ передней отъ входа расположился, съ двумя бочками вина, хозяинъ заведенія, повидимому, отставной солдатъ; другая же часть занималась «распивочною», въ которой стояли испачканный столъ да двѣ простыя узкія скамейки. На столѣ

красовалась какая-то грязная посуда съ виномъ, а около нея— манерочная ржавая крышка. Кромѣ двухъ нашихъ игроковъ, другихъ посѣтителей не было.

Расположившись верхомъ на скамейкѣ другъ противъ друга, они выпили по крышкѣ вина и начали игру. Бѣлокурый партнеръ положилъ правую свою ладонь на скамейку.

— Попадешь! закричалъ его товарищъ, поднявъ кулакъ и опуская его разомъ на ладонь.

— Не попадешь! отвѣчалъ первый, проворно отнявъ руку.

Кулакъ тяжело ударился о скамейку.

— Твоя взяла: пей! сказалъ черноволосый.

Счастливецъ налилъ въ крышку вина и выпилъ его, причмокивая и подтрунивая надъ товарищемъ.

— Ну, давай другую руку—то, сказалъ послѣдній: — попадешь!

— Не попадешь!

Опять промахъ, и опять крышка вина вылилась въ желудокъ счастливаго игрока.

Игра возобновлялась съ одинаковымъ успѣхомъ разъ пять. Это наконецъ разсердило черноволосаго, и онъ, вѣроятно съ досады, началъ и себя угощать виномъ, которое, по настоящему, долженствовало быть наградою только ловкости и удачи. За четвертымъ разомъ посуда опустѣла и была налита вновь. Скоро и въ ней осталось вина только на доньшкѣ.

— Нѣтъ, сказалъ черноволосый: — шабашъ! Эдакъ исхарчешься только, да въ сердцахъ еще что—нибудь недоброе сдѣлаешь.... Выпьемъ чтò осталось, да и пойдемъ: ну—её!

— Чтò, братишка, струхнулъ? отвѣчалъ на это бѣлокурый, въ упоеніи отъ своей удачи, а частію и отъ вина.

— Струхнулъ!... На штурмахъ не трусилъ, а отъ семишника што ли струхну?... Нѣтъ, не струхнулъ, а такъ што—то не хочется.

— Ну, давай, еще сыиграемъ!

— Не хочу.

— Ну, одинъ разъ!

— Отвяжись!

— Ну, такъ и есть, что струхнулъ.

— Струхнулъ!... Ну—ка ты храбрый: давай, вмѣсто кулака, топоромъ!

— Обухомъ?

— Нѣтъ не обухомъ, а востреѣмъ.

— Давай!

— Ну, давай!... Дядюшка, есть у васъ топоръ? сказалъ черноволосый, обращаясь къ хозяину палатки.

— Есть, отозвался тотъ изъ за перегородки: — на что вамъ?

— Да такъ: штуку выкинуть.

— Ну, на-те! сказалъ хозяинъ, бросая топоръ.

— Давай сюда ладонь-то! провозгласилъ черноволосый, принимаясь за топоръ.

— Да, вишь ты, больно ловокъ: на крышку вина хочетъ поддѣть!... Нѣтъ братъ, тутъ топоръ!... А коли хочешь—давай на семишникъ!

— Была, не была: давай!... Попадешь!

— Не попадешь!... Попалъ! вскричалъ бѣлобрысый дуракъ, глядя на свои четыре пальца, разомъ отлетѣвшіе отъ ладони.

— Господи Боже мой, что это такое! въ свою очередь вскричалъ «счастливецъ», съ ужасомъ разсматривая пальцы товарища:—берите меня подъ караулъ: виноватъ Богу и великому государю!

— Ну, братъ, выкинулъ ты штуку! говорилъ докторъ, оторвавъ полу палатки и въ одинъ мигъ очутившись подлѣ раненаго: — штука ничего! продолжалъ онъ, осматривая рану и разрывая свой платокъ для перевязки: — счастливъ твой Богъ, что такъ пришлось!... А впрочемъ, Олексѣичъ!... да и ты, Ефимъ Ефимычъ! посмотрнка-те, глаза-то у васъ лучше моихъ — табакомъ, вишь, подправляете — поглядика-те: по суставамъ пришлось, али нѣтъ?

Доктора внимательно осмотрѣли пальцы и въ одинъ голосъ отвѣчали, что они отрублены выше суставовъ и что вылущить можно.

— Ну, и слава-те Господи! сказалъ на это дѣдушка: — дайте же платки, у кого есть бѣлые; а моиъ сверху обяжемъ; а то не годится: шелковый.

Перевязка окончилась въ двѣ минуты. Изувѣченнаго игрока повели въ госпиталь, а его партнера—на гауптвахту.

— Бѣги же, братецъ ты мой, къ лекарю Прудзинскому, говорилъ докторъ одному изъ двухъ фельдшеровъ, подвернувшихся на эту сцену: — скажи ему, чтобы онъ шелъ скорѣе въ госпиталь, подать пособіе раненому.

— Вотъ онъ, русскій человѣкъ! сказалъ мнѣ Павелъ Алексѣичъ, указывая на удалявшагося охотника въ попадѣшь-не-попадѣшь, который, вмѣсто болѣзненныхъ стонувъ, безпрестанно повторялъ: «братцы! товарищъ не виноватъ, ей-же-ей, не виноватъ: я самъ виноватъ, право-слово, самъ виноватъ!...»

— Да, отвѣчалъ я: — не всякій на его мѣстѣ твердилъ бы то, что онъ твердитъ.

— Этого мало, возразилъ помощникъ: — чрезъ два мѣсяца онъ выздоровѣетъ и, показывая вамъ свою безпалую руку, будетъ рапортовать, что у него обстоитъ все благополучно... А что касается до его увѣчья, я увѣрю васъ, что оно совсѣмъ для него не такъ прискорбно, какъ прискорбна мысль объ участи товарища...

— А вотъ и раѣвщикъ! сказалъ въ эту минуту дѣдушка, подходя вмѣстѣ съ нами къ бородачу: — посмотримъ, что у него есть, да и пойдемъ обѣдать.... Ну-ка, ну-ка, какія у тебя нынѣ исторіи есть? Можетъ, нѣтъ ли новыхъ?

— Есть, батюшка ваше присходительство, и новыя, отвѣчалъ мужикъ, принимаясь за ручку своего райка.

— Ну, глядите жъ, братцы! сказалъ докторъ толпившимся вокругъ райка солдатамъ: — глядите, что у него тамъ есть: я за васъ заплачу; только ужъ въ попадѣшь-непопадѣшь, пожалуйста, не играйте!

Солдаты засмѣялись и опрометью кинулись къ ящику, чуть не опрокинувъ его; а раѣвщикъ медленнымъ, однозвучнымъ голосомъ началъ:

— «А вотъ на добромъ конѣ сидитъ батюшка-Кутузовъ, что переморозилъ всѣхъ Французовъ...» Есть ли? закончилъ онъ, совсѣмъ ужъ другимъ голосомъ.

— Ну, это братъ, старая исторія, замѣтилъ докторъ: — еще въ семинаріи бывши, я ее слышалъ.

— А вотъ, запѣлъ раѣвщикъ: — «райская птица сирень; гласъ ея въ пѣннѣ зѣло силенъ: когда мѣръ Божій прославляетъ, сама себя позабываетъ....» Есть ли? спросилъ онъ опять.

— Есть! отозвались голоса.

— Ну, а эта картинка у меня въ сундучкѣ была наклеена, сказалъ докторъ: — я ее знаю. Птица знатная: хвостъ пышный такой, а голова-то, какъ у дѣвки... Нѣтъ, ты поновѣй что нибудь!

Раѣвщикъ завертѣлъ ручкой и продолжалъ:

— А вотъ сидитъ кошей на Араратѣ, смотритъ, какъ поживаютъ въ персицкомъ комиссаріатѣ.

— Что, что? закричалъ дѣдушка, покотившись со смѣху: — покажь-ка, покажь, какъ тамъ поживаютъ?

Солдаты отсторонились отъ райка и пропустили къ нему доктора. Мы всё тоже засмѣялись неожиданному обороту разсказовъ раёвщика; и, въ самомъ дѣлѣ, едва ли кому нибудь изъ насъ случалось слышать эту «исторію» прежде. Однако, комиссаръ нашъ, засмѣявшись сначала вмѣстѣ съ другими, вдругъ сдѣлался серьёзенъ и даже порядкомъ надулся.

— Эй, Ёмичъ! говорилъ докторъ, разсматривая картину:— это, братъ, по твоей части: поди-ко погляди, какъ живутъ персидскіе комиссары!

— То не дило, отвѣчалъ обидчивый хохоль: — торговцамъ позволяютъ торговать, а не касаться чести господь...

— Евва! вскричалъ докторъ: — да ты-то съ чего жь тутъ обижаешься? Вѣдь про тебя тутъ ничего не говорится.

— Та всё же, помылуйте: цилый комиссаріатъ!...

— Э, Петръ Ёмичъ! сказалъ я: — вѣдь онъ говорилъ про персидскій комиссаріатъ...

Доводъ мой успокоилъ комиссара, и ужъ онъ самъ подошелъ къ райку, чтобы посмотрѣть однимъ глазомъ, какъ поживаютъ въ персидскомъ комиссаріатѣ.

— Ну, шабашъ, братцы! сказалъ докторъ, досыта насмотрѣвшись на интересную картину: — пойдемъ по домамъ: щи пора ѣсть!

Мы раскланялись другъ съ другомъ и отправились каждый въ свою сторону.

— Не забудьте жь про лекцію, говорилъ помощникъ, прощаясь со мною послѣднимъ.

— Не безпокойтесь, не забуду, отвѣчалъ я.

VII.

О Р Д И Н А Т О Р Ы .

Прошло нѣсколько дней послѣ перваго моего знакомства съ Тыртолѣскимъ госпиталемъ. Впродолженіе этого времени, я еще познакомился съ нѣкоторыми изъ сильныхъ тыртолѣской земли и со всѣми остальными медиками, служащими при госпи-

такъ въ качествѣ ординаторовъ. Послѣдніе оказались славными молодыми людьми и на первый же разъ оправдали отзывъ секретаря Брыковскаго, касательно умѣренности ихъ требованій и непохотливости желаній. Всѣ они, дѣйствительно, не могли обойтись, кто безъ столика, кто безъ шкафа, кто безъ кровати; а одинъ, такъ именно выразилъ надежду, что я переѣмлю въ его палатахъ прислугу, которая, какъ на подборъ, составлена изъ отъявленныхъ пьяницъ. Но въ двухъ предметахъ всѣ медики нуждались одинаково, и безъ содѣйствія смотрителя имъ приходилось, по выраженію одного изъ нихъ, «хоть волкомъ выть»: каждый нуждался въ вѣстовомъ изъ госпитальныхъ инвалидовъ и каждому приходилось умереть отъ жажды, если не привезти имъ воды на госпитальныхъ быкахъ. Однимъ словомъ, все было совершенно такъ, какъ описывалъ Брыковскій: онъ будто лично удостоверялся во всѣхъ этихъ нуждахъ и, говоря мнѣ о нихъ, разумѣлъ ординаторовъ именно Тыртолѣскаго госпиталя. Не сказалъ онъ только ни о самоотверженіи ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, ни о благородной, вполне безкорыстной готовности бѣжать на помощь ко всякому, кто въ ней нуждается, не спрашивая о его чинѣ и состояніи и не затрудняясь позднимъ временемъ или дурною погодою. Очень можетъ быть, что, считая самоотверженіе и безкорыстіе лишнею въ службѣ роскошью, Брыковскій не вѣрилъ въ возможность ихъ существованія, а потому и не упомянулъ о нихъ. Но Богъ съ нимъ: мои молодые друзья нисколько не потеряли отъ этого, тѣмъ болѣе, что всѣ ихъ дѣйствія, какъ я впоследствии лично удостоверялся, проникнуты величайшею скромностью и чужды малѣйшей дозы тщеславія. Знакомство мое съ ними сопровождается самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Скоро кончивъ эти визиты, я зашелъ напоследокъ къ старѣйшему изъ всѣхъ ординаторовъ, бесѣда съ которымъ была болѣе продолжительна, по случаю нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей, открывшихся въ разговорѣ съ почтеннымъ эскулапомъ.

Это былъ уже пожилой здоровякъ, съ бѣлымъ рябоватымъ лицомъ и съ красноватымъ по немъ отливомъ. Простота и даже нѣкоторая безцеремонность его обращенія, семинарскія манеры и рѣзкій, такой же, какъ у главнаго доктора, выговоръ на о обличали происхожденіе изъ духовнаго званія; а дрожащіе на рукахъ пальцы, тонкій, по временамъ кривлявшійся, какъ въ

конвульсіи, ротъ, и исходившій изъ него довольно смрадный запахъ свидѣтельствовали о давнишнемъ пристрастіи моего собесѣдника къ рюмочкѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, старый ординаторъ посѣтовалъ немного о запущенности госпиталя, и въ заключеніе сказалъ:

— Ну, вводите, вводите новые порядки! Давай вамъ Богъ устроить все какъ слѣдуетъ. Тогда и про насъ грѣшныхъ не позабудьте: мы—то терпимъ, кажется, больше всѣхъ.

— Да, я знаю, отвѣчалъ я: — вы тоже, вѣроятно, нуждаетесь въ прислугѣ и въ мебели...

— Ну, это—то что за нужда! перебилъ онъ: — это, просто, одна изъ физическихъ потребностей нашихъ, съ тою только разницею отъ прочихъ, что удовлетворяется она не нами самими, а смотрителемъ госпиталя. И какой, скажите, лиходѣй—смотритель не дастъ мнѣ одного человѣчка, какого—нибудь солдатика инвалиднаго, когда у меня деньщика нѣту, некому ѣсть приготовить?... Да противъ этого и законъ ничего не можетъ сказать, и начальство не вступится.

«Толкуй—ка себѣ!» подумалъ я. «А Гинтеръ!»

— А у меня, вонъ, двѣ дочери невѣсты, продолжалъ онъ: — что жъ, въ самомъ дѣлѣ: не стряпать же имъ самимъ на кухнѣ! Да онѣ, пожалуй, и не прочь бы постряпать: не Богъ знаетъ какого воспитанія; да та бѣда, что не умѣютъ: покойница, ихъ мать, не успѣла выучить... Опять же возьмемъ и то, что хотя дочери воспитаны у меня и на черномъ хлѣбѣ, однако, съ ведрами идти по воду имъ не приходится, потому что какія онѣ тамъ ни есть, а все же барышни... Вотъ, также точно и насчетъ мебели, какъ вы ее называете... Положимъ, дочери мои не откажутся спать на полу; да хорошо ли жъ это? Вѣдь, глядя на нихъ, сердце будетъ болѣть не только у меня, а и со стороны у всякаго... Выходитъ такъ, что надо кровать купить... А гдѣ и купишь—то ихъ здѣсь, сами вы знаете?... При томъ, купить надо не однѣ кровати: надо купить и столики, и шкафики, и бочку съ повозкой, и лошадку, и мало ли еще чего! Ну, а гдѣ жъ намъ всѣмъ этимъ заводить при нашемъ жалованьи?... Вотъ поэтому—то и берешь изъ госпиталя что нужно: вещей тамъ залишнихъ много—все равно, гдѣ ни стоятъ имъ; да и быки казенные небольно заморятся, коли водицы подвезутъ. Стало быть, обремененія для смотрителя и для самой казны никакого тутъ нѣтъ. Да этого, признаться, никто у насъ и одолженіемъ не считаетъ,

такъ какъ всѣ имъ пользуются, и порядокъ этотъ существуетъ вездѣ, чуть ли не со временъ еще Гиппократъ... Нѣтъ, а я, говоривши вамъ о нашихъ нуждахъ, разумѣлъ совсѣмъ другія, по-существеннѣе этой... Тутъ ужъ точно: большое одолженіе со стороны зрителя будетъ...

— Какія жь это нужды? я не знаю... не слыхалъ.

— Извѣстно, не отъ молодыхъ же ординаторовъ услышите вы о нихъ!... Имъ что? произведутъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ опыты физической анатоміи надъ живымъ субъектомъ — и конецъ: всѣ нужды ихъ удовлетворены... А вотъ, какъ наше семейное дѣло, продолжалъ онъ, вздохнувъ и какъ бы забываясь: — такъ ужъ тутъ не то: совсѣмъ другой табакъ!... Въ чемъ только нужды нѣтъ! И мыльца нужно для дома, и кваску, и простыньку, и дровецъ. А откуда все это возьмешь? Изъ жалованья? Оно, конечно, спору нѣтъ: жалованья хватить; да только если всякую малость съ базара покупать, такъ придется тогда выдавать замужъ дочерей такими, какъ мать на свѣтъ родила; а кто жь ихъ возьметъ въ такомъ костюмѣ?... Такъ вотъ, послѣ этого, подумаешь-подумаешь — да и попросишь у Петра Ѳомича того, другаго, третьяго... Вы, ужъ пожалуйста, не препятствуйте ему.

— Очень хорошо; но вѣдь это дѣло Петра Ѳомича: какъ же я могу распоряжаться въ подобномъ случаѣ?

— А какже не можете? Вѣдь вы настоящей и главный хозяинъ въ госпиталѣ....

— Но вѣдь это дѣло частное...

— Разумѣется.

— Такъ какое же я имѣю право приказывать Петру Ѳомичу дать то или другое?... Откуда онъ возьметъ?

— Извѣстно, ему не откуда взять; но вы будьте на этотъ счетъ покойны: на кого, на кого, а на меня Петръ Ѳомичъ вамъ не пожалуется: требованія мои завсегда были и будутъ исправныя: и перемѣна бѣлья, и перебивка тюфяковъ, и третья топки зимою, — все будетъ въ достаточномъ количествѣ...

Я начиналъ смутно понимать, въ чемъ дѣло; но догадка моя подѣйствовала на меня такимъ образомъ, что я не могъ сразу подобрать какое нибудь, даже общее выраженіе, въ отвѣтъ на послѣднія слова моего собесѣдника, а, вмѣсто того, молчалъ какъ-то очень глупо и еще глупѣе смотрѣлъ на окружающіе предме-

ты. Мое молчаніе истолковано было ординаторомъ, повидимому, не въ благопріятномъ смыслѣ.

— А впрочемъ, знаете ли, что? сказалъ онъ, прервавъ наконецъ тяжелую паузу:—я начинаю думать такъ, что слышать-то, можетъ, вы и слышали о нашихъ семейныхъ нуждахъ, но только не приняли ихъ близко къ сердцу, такъ какъ натура ваша, быть можетъ, не слишкомъ воспримчива... Конечно, васъ винить въ этомъ нельзя: это дѣло природы.

— Увѣрю васъ, что натура моя довольно воспримчива для этого: я самъ такъ хорошо, такъ близко знакомъ съ нуждою...

— Ну, я не думаю, чтобъ вы близко были знакомы съ нуждою.

— Изъ чего жъ вы это заключаете? спросилъ я, посмотрѣвъ на него съ недоумѣніемъ.

— А коляска-то?... Кто, батюшка, разъѣзжаетъ въ коляскѣ, тотъ, значить, въ тарантасѣ прежде ѣздилъ; ну, а кто ѣздитъ въ тарантасѣ, тотъ нужды ужъ не знаетъ: она далеко отъ него... это вѣдь вещь извѣстная!

Его логика разсмѣшила меня. Но, не считая нужнымъ опровергать ее, я поспѣшилъ согласиться съ нимъ.

— Это правда, сказалъ я:—но только вы знаете, что во всякомъ правилѣ бываютъ исключенія. Вотъ такъ-то и здѣсь... Впрочемъ, я охотно готовъ представить доказательства если не того, что веду съ нуждою короткое знакомство, то, по крайней мѣрѣ, моего желанія быть полезнымъ всякому, кто нуждается...

— А, вотъ это такъ! вскричалъ ординаторъ съ выраженіемъ неподдѣльной радости:—больше ничего и не нужно: остальное само собою придетъ въ свое время... Ну, теперь, дѣйствительно видать, что вы испытали нужду... Давай же вамъ Богъ справиться здѣсь!... А ужъ съ нашей, съ ординаторской стороны, будьте увѣрены: содѣйствіе будетъ...

— Очень вамъ благодаренъ и теперь же прошу васъ, разъ навсегда, тотчасъ же сообщать мнѣ о беспорядкахъ, или упущеніяхъ, которыя вы замѣтите въ своихъ палатахъ: и немедленно буду ихъ исправлять.

— Ну, это-то не наше дѣло, возразилъ онъ съ какою-то неопредѣленною улыбкою: — еще въ молодыхъ медикахъ, по неопытности ихъ, вы, пожалуй, и встрѣтите такого рода содѣйствіе; а по моему разсужденію, выходитъ такъ, что вы ужъ сами

замѣчайте тамъ безпорядки и исправляйте ихъ какъ знаете; а то зачѣмъ я буду мѣшать вамъ? Вы дѣлайте свое дѣло, а я свое...

— Напротивъ, мнѣ кажется, что именно этимъ-то содѣйствіемъ вы и облегчите мою трудную службу...

— Ну, какая жъ она *трудная* служба? перебилъ ординаторъ:— это, просто, такъ сказать, пенсіонная жизнь... Нѣтъ, да это все не то! прибавилъ онъ, какъ бы желая уклониться отъ щекотливой матеріи:—наше содѣйствіе не въ томъ заключается... а вотъ насчетъ требованій...

Мнѣ становилось жутко.

— Чѣмъ же я могу быть для васъ полезнымъ? спросилъ я, вставая и чувствуя, что въ интонаціи моего вопроса далеко нѣтъ той теплоты, которая требуется въ подобныхъ случаяхъ.

— О многомъ просить васъ не буду, отвѣчалъ мой эскулапъ:— вы только ординарію намъ воротите; а насчетъ прочаго вы не безпокойтесь: это ужъ Петръ Ѳомичъ, дай Богъ ему здоровья, благодѣтельствуемъ мнѣ по мѣрѣ надобности... Хорошій онъ человѣкъ, Петръ Ѳомичъ, нечего сказать!.. Не во всякомъ госпиталѣ есть такой комиссаръ: въ другихъ мѣстахъ комиссары только и норовятъ, какъ бы самимъ карманы понабить, а товарищи хоть съ голоду здыхай — имъ все равно; ну, а этотъ — нѣтъ! этотъ другихъ сперва накормитъ, а ужъ послѣ самъ поѣстъ... Одно слово, хорошій человѣкъ!... Вы только не препятствуйте ему пособлять мнѣ чѣмъ Богъ послалъ. Это вѣдь не обременительно: многого мнѣ не надо, а между тѣмъ, кромѣ какъ на меня, другихъ расходовъ у васъ не будетъ: молодежь-то наша ничего этого не требуетъ; только развѣ ординарію берутъ, да и то не всѣ... Вотъ объ ординаріи, такъ ужъ побезпокойтесь, пожалуйста: воротите ее — и намъ больше ничего не нужно.

— Что это такое ординарія? спросилъ я, наостривъ уши и снова сядя на свое мѣсто, въ предчувствіи, что услышу что нибудь любопытное.

— А это, знаете, отъ подрядчика положенье намъ идетъ.

— Какое жъ это положенье?

— Да здѣсь оно, признаться, небольшое, но все-таки хорошая подмога въ домашнемъ быту: холостые ординаторы получали у насъ въ день по два фунта мяса да по два фунта булки; а мнѣ, какъ семейному, шло по три фунта и бутылка вина сверхъ того... Здѣсь, говорю я, небольшое положенье, повторилъ орди-

наторъ, замѣтивъ, что я какъ будто кивнулъ въ знакъ согласія головою: — а вотъ служилъ я при Хлыновскомъ госпиталѣ— такъ тамъ хорошо: семейный ординаторъ получалъ тамъ всего едва ли не втрое противу другихъ госпиталей. Хорошо было тамъ служить! прибавилъ онъ, зажмуривъ глаза, какъ наѣвшійся котъ:—и не вышелъ бы оттуда!...

— Да, это хорошо, подтвердилъ и я:—но объясните, пожалуйста, одно обстоятельство, котораго я никакъ не могутъ понять: вы, вотъ, сейчасъ просили воротить вамъ ординарію: значитъ, она пропала какъ нибудь, и ея теперь ужъ нѣтъ?

— Пропала, пропала, совсѣмъ пропала! съ горестью вскричалъ ординаторъ:— такъ ловко пропала, что ничего и не подѣлаешь!

— Скажите! И давно жъ это она пропала?

— Да вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начались у насъ въ госпиталѣ безпокойства.

— Какъ же это случилось? спросилъ я.

— Да случилось-то очень просто, такъ, какъ, по настоящему, оно и должно быть... Изволите ли видѣть, по нашей госпитальной части, какъ вамъ извѣстно, тогда только и можно служить, когда господствуютъ въ ней миръ и тишина; а какъ только этого нѣту—пиши пропало: всѣмъ скверно, и хоть вонъ бѣги изъ госпиталя... Такъ и тутъ случилось: лишь только начались между докторомъ и смотрителемъ несогласія и ссоры, да какъ только начальство приняло госпиталь подъ ближайшій свой надзоръ, мошенникъ подрядчикъ возьми да и прекрати самовольно ординарію... Видитъ, знаете, бестія, что вода въ госпиталѣ помутилася — «дай, молъ, рыбки половлю». Вотъ и сталъ ловить... Правду говорятъ хохлы: «паны дерутся, у мужика чубъ болить». Вступиться за ординарію было некому: главный докторъ говоритъ: «не мое дѣло»; помощникъ доктора говоритъ, что «и не нужно»; Петръ Ѳоимичъ и радъ бы пособить, да силы нѣтъ: за своей шкурою глядитъ; а Карлъ Абрамычъ, сами вы видѣли, какой: его никто и не послушаетъ... Чтò тутъ станешь дѣлать? Вотъ и взялся я самъ поправить наши обстоятельства, привести, значитъ, подрядчика въ повиновеніе... Молодежь-то наша не больно, знаете, гонится за этимъ; другіе даже и ординаріи совсѣмъ не берутъ: стыдно, молъ... Ну, это кому какъ; а я тутъ стыда не вижу, оттого, что я вѣдь не вымогаю ординарію, а ужъ такое отъ нихъ, отъ подле-

цовъ, положенье идетъ; такъ и давай мнѣ его: это вѣдь хлѣбъ мой насущный... Ну-съ, вотъ и припаялся, знаете, я за подрядчика: приду, бывало, въ кухню на приемку, взгляну на говядину—«рубь, моль, голени!... А зачѣмъ зарѣзы здѣсь? Долой зарѣзы!...» Попробую капусту—«кислоты достаточной нѣту: прочь!» — «Да я—говорить подрядчикъ—залишнюю муку на квась отпускаю.»— Знать ничего не хочу: подай мнѣ припасъ доброкачественный—и крышъ... Перемѣнить капусту!... Давай вино!... И вино недоброкачественное: кислоту въ себѣ имѣеть...» «Да это—говорить подрядчикъ—кислота винная!...» Слыхалъ, знаете, шельмецъ, какъ однажды докторскій помощникъ объяснялъ причину кислоты, замѣченной въ винѣ...» «То-то, говорю, винная: много кой-чего ты знаешь!... Нѣтъ, не винная, а уксусная, *vinî aceti*... Прочь, говорю; перемѣнить!... Такъ-то дѣйствовалъ я и съ прочими припасами, которые свидѣлствуются дежурнымъ медикомъ... Но что жъ, вы думаете, подрядчикъ? подѣйствовало это на него? Ничуть не бывало: обрубаеть себѣ голени, вырѣзываетъ зарѣзы, перемѣняетъ капусту и прочее, а ординаріи не даетъ, да и все тутъ!...

Ординаторъ казался разсерженнымъ. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Лицо его выражало разстройство и неудовольствие. Мнѣ стало жаль его: дѣйствительно, при ограниченномъ содержаніи и съ двумя взрослыми дочерьми, ординарія была для него, какъ онъ выразился, насущнымъ хлѣбомъ. Какимъ этотъ хлѣбъ казался ему на вкусъ—это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что онъ ему нуженъ.

— Скажите, и никакой надежды нѣтъ на возвращеніе ординаріи? спросилъ я, уже съ болѣе искреннимъ участіемъ.

— Какъ нѣтъ? Надежда полная: если только вы захотите принять въ этомъ участіе, такъ и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Что же мое участіе тутъ поможетъ? Что я могу сдѣлать?

— Да вамъ стоитъ только слово сказать подрядчику—и онъ не посмѣетъ ослушаться.

— Опять я долженъ приказывать!... Да скажите, ради Бога, по какому праву я буду распоряжаться чужою собственностью? Ординаторъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь будете же вы дѣлать условія съ подрядчикомъ? сказалъ онъ, посмотрѣвъ на меня тѣмъ взглядомъ, какимъ Чичиковъ смотрѣлъ на Коробочку:— ну, при этомъ упомянуть

только на счетъ ординаріи, что такъ и такъ молъ, — и я ужъ поручусь, что дѣло будетъ сдѣлано.

Я буду дѣлать условія съ подрядчикомъ!... Это любопытно!... А что жь, въ самомъ дѣлѣ: надо же узнать, въ чемъ состоятъ условія между подрядчикомъ и чиновниками.... Ужъ если добиваться толку въ этой службѣ, такъ надо знать все.... Какія же, однако, условія могутъ быть у меня съ подрядчикомъ?... А вотъ посмотримъ.

— Очень хорошо, сказалъ я ему: — если это такъ легко, какъ вы говорите, то я даю вамъ слово сдѣлать по вашему желанію все, что отъ меня зависитъ.

— Вотъ такъ спасибо, благодарю! вскричалъ ординаторъ, порываясь заключить меня въ свои объятія.

Въ эту минуту, мнѣ пришла мысль, разъяснить еще одно обстоятельство, сильно заинтересовавшее меня въ предъилущемъ разговорѣ, но какимъ-то образомъ ускользнувшее отъ анализа.

— А скажите-ка, докторъ, спросилъ я, пожимая ему руку вмѣсто приготовленныхъ объятій, отъ которыхъ мнѣ удалось уклониться: — всѣ ли наши ординаторы оказываютъ такое же содѣйствіе насчетъ требованій, какъ и вы?

— Э, нѣтъ! живо и съ какою-то тревогой заговорилъ эскулапъ: — на это вы не надѣйтесь; лучше и не говорите имъ объ этомъ: напрасно будетъ.... Народъ у насъ такой амбиціонный, особливо эти полячки да Нѣмцы: какъ разъ сочтутъ за притязаніе.

— Ну, а если намекнуть имъ объ ординаріи, или о какомъ другомъ пособіи?

— И ни-ни! Не дѣлайте этого! Наша молодежь — все головы горячія: того и гляди, назовутъ ваше доброе предложеніе какимъ нибудь неподходящимъ именемъ, взяткой, или чѣмъ другимъ.... Извѣстно, молодо-зелено: собственной пользы не понимаютъ.... Признаться, смолоду и я такой же былъ, продолжалъ ординаторъ, глубоко вздохнувъ и опустивъ голову: — только я былъ благонравнѣй и на наши гонораріи взиралъ съ большимъ разсудкомъ; а все же, когда бывало комиссаръ попросить: «что это, молъ, Василій Никитичъ, больные въ вашихъ палатахъ какъ грязно ходятъ? Да и постели, говоритъ, крѣпке поспилились, и халаты ужъ очень помарались.... Проставляйте-ка, батюшка, въ требованьяхъ своихъ, побольше халатиковъ, бѣльеца да и тюфячковъ на пережѣну!...» Ну, и проставляешь, бывало; а у самого сердце какъ въ аневризисѣ колотится, на

лбу холодный потъ, а въ ухахъ разные голоса такъ и слышутся: «ты что, молъ, это дѣлаешь?... Нѣшто такія требованія должны быть? Посмотри-косъ: четыре палаты другой мѣсяцъ пустыя стоятъ, а ты на нихъ освѣщеніе и отопленіе ка-таешь!... А бѣлье, а тюфяки!... Когда они перемѣняются? а ты каждый божій день по десяткамъ ихъ требуешь!... Постои же!...» Такъ вѣрите ли: чувствуешь даже, какъ кровь въ голову бросается; и невольно тутъ, бывало, подумаешь: «эй, кондрашка!... ой, кажись, кондрашка! Господи!...» Ну, а руки, я вамъ скажу, ей-ей, не хуже какъ въ пляскѣ святаго Витта танцовали; и такъ онѣ тогда у меня тряслися, что съ тѣхъ поръ такъ и теперича остались. Вотъ, посмотрите!

Онѣ протянулъ свои руки: онѣ, дѣйствительно, тряслися.

— Да! понабрался-таки я тогда страху, продолжалъ ординаторъ, видимо облегченный импровизованною исповѣдью: — жутко приходилось мнѣ подѣ-часъ; все думалось: «вотъ, вотъ, узнаютъ—что тогда будетъ?...» Ну, а теперь ничего: привыкъ, слава Богу.... Да и дѣло-то, я вамъ скажу, такое скрытое, что никакой ревизоръ разобрать его не можетъ, потому что если повѣрятъ наши требованія тотчасъ же, или, по крайней мѣрѣ, на другой день, какъ они поданы, такъ, точно, можно найти и указать ошибки, да и поправить ихъ.... Но только кто жъ этимъ будетъ заниматься? Если главный докторъ, то ему такая же въ этомъ нужда есть, какъ мнѣ замѣчать безпорядки и упущенія въ вашихъ палатахъ.... А, напротивъ того, если докторъ живетъ ладно со зрителемъ, такъ еще онъ же и укажетъ подѣ-часъ ординатору на недостаточность его требованій.... Прочая же ревизія нашихъ требованій бываетъ не ближе, какъ черезъ мѣсяцъ, а чаще черезъ годъ, и то изъ комиссаріатскихъ комиссій.... Вотъ и пишутъ онѣ: что количество такихъ-то и такихъ припасовъ, израсходованныхъ въ минувшемъ году по такому-то госпиталю, превосходитъ всякое вѣроятіе; а потому предписывается конторѣ истребовать отъ главнаго доктора объясненіе о причинахъ столь неумѣренныхъ расходовъ. Контора и требуетъ объясненія. Главный докторъ даетъ его. Извѣстно, какое бываетъ это объясненіе: если указываютъ, примѣромъ, на солому, что больно много тюфяковъ показано въ перебивкѣ, — ну, поносы да горячки свирѣпствовали; по другимъ предметамъ — другія объясненія, все основанныя на указаніяхъ науки и на дѣйствительныхъ потребностяхъ.

Да въ отзывѣ этомъ не только надлежащія объясненія докторъ наложить, а еще и носъ комиссіи наклеить.... И по дѣломъ, я вамъ скажу: не суйся не въ свое дѣло; это часть ученая, какъ Господь не умудрилъ наукою, такъ нечего и мудрствовать лукаво.... Такимъ точно манеромъ кончаются и всѣ прочія притязанія комиссіи. Особливо, есть у насъ два продукта — клюква и лимоны. Объ этихъ двухъ статьяхъ наша комиссія чаще всего кляузничаетъ, и, какъ видно, отчетность о нихъ сильно ее убиваетъ.... Извѣстно, какъ часть эта не хозяйственная, а фармацевтическая, только по комиссаріатскому каталогу состоитъ, то влияніе на нее комиссіи ограничивается однимъ лишь учетомъ; ну, она и прилагаетъ въ этомъ свое стараніе, но только завсегда втунѣ.... Оно, конечно, если правду говорить, то, дѣйствительно, много—таки казна приплачиваетъ тутъ лишняго; и аптекаря наши, выводя въ расходъ эти припасы, порядкомъ хватаютъ грѣха на душу, и ужъ какъ тамъ они себѣ хотятъ, а я по истинѣ скажу: хозяйственнаго разряда чиновники куды человѣколюбивѣе составляютъ свои отчеты супротивъ отчетовъ лимонныхъ да клюквенныхъ. Это хоть нарочно повѣрить....

— Какимъ же образомъ можно повѣрить?

— Да стоитъ только взять отъ нѣсколькихъ госпиталей квитанціи за одинъ какой нибудь мѣсяць : сейчасъ будетъ видно, что припасы хозяйственнаго разряда выведены вездѣ одинаково, по числу больныхъ и не уклоняясь отъ положенія; развѣ—развѣ выскочить на глаза какой нибудь припасъ третьяго разряда: солома, тамъ, нитки, или что другое.... А вотъ въ припасахъ на содержаніе аптеки такъ ужъ не то!...

— Чтò жь тамъ есть особеннаго?

— Да вотъ, хоть бы примѣромъ, клюква: въ нашемъ краю ея и въ заводѣ нѣтъ; а привозитъ эдакую дрянъ за тысячу, а то и за полторы тысячи верстѣ — подрядчику не резонъ; да признаться, и надобности—то экстренной въ ней нѣту : не воскресишь вѣдь человѣка клюквою; а, между тѣмъ, она съ удобствомъ замѣняется иными веществами: лимоннымъ сокомъ, виноградомъ и другими кислыми ягодами, произрастающими на мѣстѣ и, стало быть, гораздо дешевѣйшими... Ну, отчего бы, кажется, не давать больнымъ, вмѣсто дорогой клюквы, этихъ самыхъ дешевыхъ веществъ? Однако, нѣтъ, этого не бываетъ; а если случается, такъ развѣ въ тѣхъ госпиталяхъ, гдѣ клюква обозначена въ

*

контрактъ низкою цѣною, что не стоитъ рукъ марать, или гдѣ докторъ ужь больно добросовѣстно дѣйствуетъ, а аптекарь желаетъ быть довольнымъ тѣмъ, что есть... Но за то въ другихъ госпиталяхъ на клюкву такъ налегаютъ, что комиссія молчить, молчить, да подъ конецъ и изъ терпѣнія выйдеть: хотя и знаетъ, что куда какъ опасно связываться съ медицинскою частью, однако, не вытерпитъ: возьметъ да и сдѣлаетъ учетъ... Помню, вотъ, былъ я прикомандированъ къ Безводскому госпиталю: на него тоже сдѣлали по клюквѣ учетъ... Цѣна—то на нее была тамъ высокая—никакъ гривецъ шесть за фунтъ; а выведено ее было за четыре лѣтнихъ мѣсяца, что—то много пудовъ. Комиссія ухватилась за это и цидеть на слѣдующій годъ (ищи вѣтра въ полѣ!), что «по Безводскому, молъ, госпиталю въ минувшемъ году (а и госпиталь—то существовалъ всего одно лѣто!) ягоды клюквы израсходовано столько—то пудовъ и за нее заплачено казною столько—то сотъ рублей, тогда какъ за это же количество винограда приходилось заплатить столько—то десятковъ рублей; то комиссія, имѣя въ виду несоразмѣрную разницу, вовлекшую казну въ столь значительный ущербъ, и не можетъ признать этого расхода правильнымъ, а потому предписываетъ конторѣ истребовать отъ главнаго доктора надлежащія по этому предмету объясненія...» Я потому привожу вамъ этотъ примѣръ, добавилъ ординаторъ:—что онъ былъ уже послѣдній: за объясненіемъ нашего доктора, учетовъ на клюкву больше не было.

Ординаторъ засмѣялся.

— Да и надо жь было ей, продолжалъ онъ: — взявшись за дѣло, эдакъ оплошать: указываетъ на лѣтніе мѣсяцы!.. Ну, конечно, докторъ нашъ и пишетъ, что: «хотя комиссія заключение свое сдѣлала совершенно основательно, и что употребленную имъ для больныхъ клюкву, дѣйствительно, можно было бы съ одинаковою пользою замѣнить виноградомъ; но что если онъ не сдѣлалъ этого, то единственно съ цѣлью — не вводить казну въ раззорительныя издержки, такъ какъ въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ винограда въ нашихъ мѣстахъ невозможно достать ни за какія деньги; и что, поѣтому, выписанный изъ Петербурга, или изъ—за границы виноградъ, безъ сомнѣнія, обошелся бы казнѣ не въ примѣръ дороже клюквы...» А, каково? заключилъ ординаторъ.

Онъ опять размѣялся.

— Ну, что жь комиссія? спросилъ я.

— Да что! Видить, что неловко сдѣлала, что слѣдовало указать не на виноградъ, а на лимонный сокъ, да ужь было поздно: мимо проѣхали; а возобновлять учетъ было неловко.

— Вотъ такъ-то бываетъ и съ лимонами, немного погода сказалъ ординаторъ.

— А что бываетъ съ лимонами? спросилъ я, вспомнивъ слышанныя мною лимонныя легенды, которыми я никогда не рѣшался вѣрить, но чрезвычайному, какъ мнѣ казалось, преувеличенію и неправдоподобію ихъ.

— Да то же самое, что и съ клюквою, отвѣчалъ мой эскулапъ: — въ какомъ контрактѣ они дешевле, тамъ выходитъ ихъ малость; а гдѣ цѣна на нихъ высокая, тамъ ихъ расходуетъ ся чортова пронасть.

— Но отчего жь это случается, и почему конторы не принимаютъ въ соображеніе этой разницы въ цѣнѣ? спросилъ я.

— Оттого-то и случается, что принимаютъ ее въ соображеніе, докторальнымъ тономъ отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

— Но вѣдь съ этимъ сопряжены большія и, притомъ, напрасныя издержки казны! возразилъ я.

— Это правда, что большія, отвѣчалъ ординаторъ: — ну, а насчетъ того, что онѣ напрасныя, такъ я съ вами не согласенъ, и даже, скажу вамъ, что не я только главный докторъ; а то бы... Только та и бѣда, что не назначаютъ меня на эту должность; а ужь давно бы пора!

«Оттого-то, братъ, тебя и не назначаютъ», подумалъ я, «что сообразили, видно, о твоёмъ сердитомъ намѣреніи.»

— За что жь это вы такъ не любите казны? сказалъ я вслухъ.

— Плохо хозяйничаетъ, отвѣчалъ эскулапъ: — вы только взгляните на наши госпитальныя табели да положенія—я-то ужь ихъ наизусть выучилъ—какихъ только тамъ ошибокъ нѣтъ! Одного назначено ужь больно много, другаго слишкомъ мало; а иного такъ совсѣмъ не опредѣлено: обойтись, молъ, хозяйственными средствами... Гм! да вѣдь, чтобъ имѣть право распоряжаться «хозяйственными» средствами, добрый хозяинъ прежде узнаетъ, въ чемъ они заключаются, да потомъ ужь и затыкаетъ ими ту или другую прорѣху въ своемъ хозяйствѣ... А то наладили—«хозяйственные средства»!... Ну, а какія именно это средства? хотѣлъ бы я спросить у тѣхъ, кто даетъ подобные циркуляры. «А въ чемъ, напримѣръ, спрашиваю я нашу комиссію,

заключаются тѣ хозяйственныя, безъ издержекъ отъ казны, средства, посредствомъ которыхъ предписано было ею въ нынѣшнемъ году выслать въ оную, за четыреста слишкомъ верстъ, мѣдные фулярные котлы, оставленные въ нашемъ госпиталѣ проходившими войсками?...» Что долженъ былъ сдѣлать для этого смотритель? Развѣ сказать кому нибудь изъ своихъ знакомыхъ: «ты, братецъ, ѣдешь въ Краснобѣльскъ: захвати-ка, пожалуйста, съ собою фулярные котлы да сдай ихъ тамъ въ комиссію!...» Такъ, что ли? Тьфу! закончилъ ординаторъ, свѣрѣпо взглянувъ на меня и, повидимому, снова приходя въ дурное расположеніе духа.

Чтобъ задобрить его, я сказалъ:

— Что же, отослалъ смотритель котлы?

— Извѣстно, отослалъ: что жъ ему оставалось больше дѣлать?

— Ну, вотъ видите: значитъ, онъ нашелъ средства.

— Разумѣется, нашелъ; я даже знаю, *идь* онъ ихъ нашелъ.

— Вотъ видите ли! значитъ, комиссія имѣла основаніе предписывать ему это.

— Ну, это-то еще не значитъ, возразилъ онъ:—потому что еслибъ она имѣла основаніе, то поименовала бы эти хозяйственныя средства; а то она этого вѣдь не сдѣлала, а только «хозяйственными средствами»—да и крышъ!

Онъ замолчалъ; а я, не находя больше возраженій, сталъ придумывать предлогъ, чтобъ навести Василья Никитича на прежній разговоръ о лимонахъ. Но онъ вдругъ снова заговорилъ, продолжая свое.

— Такъ это что же! говорилъ онъ, выставивъ передъ собою руки и растопыривъ пальцы:—это больше ничего, какъ писать о томъ, чего не знаешь; а если не такъ, то, значитъ, комиссіа просто-на-просто знала навѣрное, что у чиновниковъ есть такіе нештатные источники, насчетъ которыхъ часомъ можно устранить казну отъ нештатныхъ расходовъ... Если жъ и это, по вашему, не такъ, то согласитесь, наконецъ, со мною въ томъ, что такого рода предписанія вынуждаютъ чиновника осматриваться кругомъ себя: изъ чего бы, молъ, извлечь средства, нужныя на покрытіе внезапно возникшихъ расходовъ казны? Вотъ онъ осматривается—и находитъ средства, нужныя для казны; а потомъ посмотреть пристальнѣе—и ему покажется, что онъ открылъ еще другія средства, уже ненужныя казнѣ, но совсѣмъ не лишнія для него. Вотъ вамъ и вся исторія.

Ординаторъ опять замолчалъ. Кажется, онъ зарাপортовался. Дальнѣйшіе распросы поведутъ къ тому же результату. Нечего добиваться толку и о лимонахъ: самъ увижу. А вотъ еще одинъ вопросъ.

— Такъ, такъ! сказалъ я въ отвѣтъ моему собесѣднику:— только вотъ чего я не понимаю, Василій Никитичъ, вы говорили, что станете оказывать мнѣ ваше содѣйствіе требованіями...

— Непремѣнно, непремѣнно, будьте покойны! подхватилъ ординаторъ, схвативъ мою руку и крѣпко ее пожимая.—Повторю: еще Петръ Ѳомичъ не пожалуется на меня; а я....

— Нѣтъ-съ, позвольте! перебилъ и я, въ свою очередь:— я совсѣмъ не о томъ говорю; а мнѣ хотѣлось бы знать, какая же сила заключается въ вашихъ требованіяхъ, что вы можете оказывать ими содѣйствіе, или, какъ я понимаю изъ вашихъ словъ, можете принести мнѣ пользу?

Ординаторъ посмотрѣлъ на меня какъ на оглашеннаго.

— Какъ «какая сила»? повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли этотъ самый вопросъ онъ слышалъ.

— Да также, подтвердилъ я:— какая сила, или что есть важнаго въ вашихъ требованіяхъ?

— Да вѣдь казна платитъ только за то, что ординаторъ требуетъ! сказалъ онъ, продолжая глядѣть на меня съ прежнимъ выраженіемъ во взглядѣ.

— А, теперь понимаю! отвѣчалъ я, чувствуя, какъ меня покоробило.

— Ну, хорошо, сказалъ я, немного спустя, сообразивъ это новое дѣло:—если это такъ, то вѣдь Петру Ѳомичу, или, пожалуй, хоть и мнѣ, кажется, не будетъ большой выгоды, если только одни *ваши* требованія будутъ «полныя»?

— Нѣтъ, не беспокойтесь: если вамъ понадобится, такъ они всѣ будутъ полныя: на это фельдшера вѣдь есть.

— А что же фельдшера тутъ могутъ сдѣлать?

— Какъ что! Да вѣдь молодые ординаторы подписываютъ свои требованія не читавши!

— Скажите, отчего жь они не прочитываютъ своихъ требованій?

— А оттого, что считаютъ это пустяками.

— Помилуйте, какіе жь это пустяки?

— Извѣстно, не пустяки!...

— Значить, ординаторы подписываютъ то, что фельдшера проставятъ?

— Нѣтъ, это рѣдко случается; а больше бываетъ такъ, что ординаторъ подпишетъ требовательный бланкъ при утренней визитаціи, а фельдшеръ проставляетъ и порціи и перемѣну бѣлья и другихъ вещей, уже вечеромъ.... Да и правду жь надо сказать: много—таки напраснаго убытка терпитъ казна отъ этого порядка! Фельдшершкіи пишутъ—себѣ, что въ башку взбредеть; ординаторъ назначить, напримѣръ, въ скорбномъ билетѣ первую слабую порцію, а онъ требуетъ молочную или винную, которая втрое, да вчетверо дороже слабой.

— Но если *ваши* требованія «полныя», слегка замѣтилъ я:—то мнѣ кажется, что и въ этомъ случаѣ переводятся казенныя деньги напрасно.

— Ну, нѣтъ, возразилъ ординаторъ:—это не такъ! Оно, конечно, требую и я лишнее супротивъ дѣйствительной надобности, такъ вѣдь я дѣлаю это съ разсудкомъ, сударь мой, съ осторожностью и съ соображеніемъ, чтобы чего не пересолить.... А вѣдь фельдшера дѣйствуютъ зря, лишь бы что нибудь заработать.... Такимъ—то вотъ манеромъ, онъ возьметъ четвертакъ, а напакоститъ казнѣ на сто рублей.... Одно слово, анаемы! заключилъ Василій Никитичъ.

— Да, мерзавцы порядочные! сказалъ я, вставая и прощаясь съ хозяиномъ.

— Безпремѣнно возьмите ихъ въ ежовыя! отвѣтилъ на это онъ, пожимая обѣ мои руки.

— Постараюсь, сказалъ я.

И я вышелъ отъ него, напутствуемый изъявленіями благодарности и всякими добрыми пожеланіями.

VIII.

УТОПІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Итакъ, я видѣлъ тѣхъ, кого секретарь Брыковскій включилъ въ число моихъ сослуживцевъ. Конечно, трудно въ одно свиданіе «узнать» людей; но и немного надо времени, чтобы «ознакомиться» съ человѣкомъ, живущимъ въ такой глуши, въ какую заброшенъ нашъ Тыртолъскскъ. Случайности же сегодняшнихъ встрѣчъ довольно ясно выказали передо мною и добрыя, и слабыя стороны моихъ новыхъ знакомцевъ; и я, получивъ чрезъ это

возможность составить о нихъ мнѣніе, спрашиваю теперь себя: гдѣ жь эти нечистыя твари, о которыхъ всякій имѣющій и не имѣющій права возвышать голосъ возвышаетъ его, чтобы казнить ихъ всѣми зависящими отъ него способами?... Гдѣ жь эти злодѣи, къ имени которыхъ общественное мнѣніе, этотъ строгій пуританинъ, придѣлало такой грустный, такой позорный эпитетъ, и употребляетъ его чуть не въ глаза оглашеннымъ? Гдѣ они? Я не видѣлъ ихъ. А, между тѣмъ, управляющій говорилъ, что они находятся именно въ Тыртольскомъ госпиталѣ и что если есть подобные имъ въ другихъ госпиталяхъ, то они только подобны, но отнюдь не равны имъ... Странно! Ужь не ошибся ли въ самомъ дѣлѣ управляющій? потому что въ Тыртольскомъ госпиталѣ я встрѣтилъ людей, во-первыхъ, простыхъ въ обращеніи, — простыхъ до того, что за третьимъ словомъ говорятъ незнакому человеку *ты*; столы, стулья и прочую мебель называютъ посудой; табакъ носятъ въ замаранныхъ бумажкахъ, а нюхаютъ его съ такимъ азартомъ, съ какимъ ни одинъ благовоспитанный человекъ нюхать не станетъ; когда же захотятъ выпить другую рюмку водки, то дѣлаютъ это не иначе, какъ сказавши прежде, что *repetitio est mater studiorum*; наконецъ, я видѣлъ людей простоватыхъ до того, что въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ они бѣгутъ, сломя голову, въ какой-то кабакъ, разрывая на пути своемъ встрѣчныя преграды, вмѣстѣ съ собственными носовыми платками, и для чего же? для того, чтобы поскорѣе подать помощь какому нибудь дураку-солдату... Но все это, даже послѣдній примѣръ величайшаго идиотизма, ничего особенно дурнаго не доказываетъ, и можетъ быть только оригинально, а не преступно, и отнесено должно быть скорѣе къ мѣстнымъ обычаямъ захоустья, нежели къ наклонности ко злу... Во-вторыхъ, я видѣлъ людей съ слабостями, съ недостатками; но кто жь ихъ не имѣетъ? Въ какой шкурѣ надо быть человеку, чтобы отрѣшиться отъ нихъ? Чѣмъ онъ долженъ быть для этого? развѣ монахомъ?... Но и монахи... Потому, еще разъ: я видѣлъ людей слабыхъ, простыхъ... о, гораздо проще многихъ!.. Я видѣлъ людей, склонныхъ ко злу, повидимому, даже дѣлающихъ зло... но склонныхъ гораздо въ меньшей степени, нежели тѣ, которые возвышаютъ противъ нихъ голосъ... но дѣлающихъ зло далеко не въ тѣхъ ужасающихъ размѣрахъ и не такъ охотно, какъ дѣлаютъ его многіе изъ тѣхъ, которые и болячками своими не захотятъ назвать своихъ сослуживцевъ... А, между тѣмъ, они, мои сослу-

живцы, подобно гоголевскому вице-губернатору, имѣютъ, какъ это замѣтно, душу, склонную къ тихой семейной жизни и къ ея скромнымъ утѣхамъ, а не къ грабительству, достойному осмѣянія и казни... Повѣрить ли этому кто нибудь? Едва ли; потому что для этого нужно заглянуть, какъ выразился противный членъ Хмохинъ, «въ самое нутро» госпитальной службы, да еще войти въ положеніе чиновника. Ну, а кому именно изъ тѣхъ, кто казнить зло словомъ и дѣломъ, придетъ въ голову заглядывать да входить въ положеніе? Тоже никому, потому что ихъ дѣло казнить, а не заглядывать, да еще и куда?—въ нутро. Фи! Еще Богъ знаетъ, что тамъ увидишь: жены, дочери, конечно, иногда молоденькія, можетъ быть, даже хорошенькія; но какъ онѣ одѣты!... Потомъ, маленькія дѣти... а у госпитальныхъ чиновниковъ, по какой-то странной игрѣ природы, какъ нарочно, дѣтей всегда бываетъ болѣе, нежели у чиновниковъ другихъ вѣдомствъ... Ну, что жъ тутъ хорошаго: пискъ, визгъ... Чего тутъ заглядывать, на что тутъ смотрѣть? А тѣмъ болѣе, что если смотрѣть на это, такъ ужъ кстати надо будетъ посмотрѣть, не существуетъ ли и такихъ причинъ, которыя способствуютъ злу, но не зависятъ отъ произвола чиновника, а скрываются въ условіяхъ его службы? Вѣдь не даромъ же законъ измѣняется и дополняется, какъ мы видимъ, ежегодно, сообразно открывающихся съ теченіемъ времени потребностей... Отчего же до сихъ поръ не розысканы эти причины, не разсмотрѣны потребности чиновниковъ и не опредѣлены условія ихъ частной жизни, которая, вѣдетъ, повидимому, такое огромное вліяніе на ихъ служебныя дѣйствія?... Отчего? это очень понятно: оттого, что вниманіе правительства устремлено на великое множество другихъ предметовъ, не менѣе важныхъ, и что до этого, просто, не дошла еще очередь. Остается пожелать, чтобы тотъ, на кого будетъ возложена почтенная и высокая обязанность розыскивать, разсматривать и опредѣлять, чтобы онъ не палъ подъ бременемъ своего долгаго и тяжкаго труда, и, въ заключеніе безсильной борьбы своего доброжелательства съ ухищреніями зла, успѣвшаго, быть можетъ, обратиться въ магическій кругъ, не сказалъ бы наконецъ: «нѣтъ силъ! пусть же будетъ такъ: законъ постановленъ, и исполняй его, во что бы то ни стало...»

Разсуждая безпристрастно, нельзя не согласиться, что подобное дѣло настоятельно требуетъ содѣйствія тѣхъ, кто дѣйствуетъ именно подъ вліяніемъ этихъ ошибокъ и, стало быть,

находится въ соприкосновеніи со зломъ, такъ сказать, стоитъ лицомъ-къ-лицу съ нимъ, и что, безъ этого, всѣ огромныя средства, находящіяся въ распоряженіи правительства—наука, умъ, честность, патриотизмъ—будутъ ничто иное, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь... Да, это правда!... Но кто же окажетъ это содѣйствіе?.. Ординаторъ Василій Никитичъ, напрімѣръ? но онъ говоритъ, что сердить на казну: значить, рассчитывать на него нечего. Секретарь Брыковскій отозвался, что это не его дѣло и что неслѣдъ соваться туда, гдѣ его не спрашиваютъ: тутъ тоже надежда плохая. Карлъ Абрамычъ—съ этого, просто, взятки гладки. Потомъ дѣдушка? или помощникъ его? или, наконецъ, Ѳомичъ?... Кажется, они могли бы... А мойка бѣлья поштучно!... А четыре комнаты за шестьсотъ рублей!... Впрочемъ, то и другое, кажется, основано на дѣйствительной необходимости, на обстоятельствахъ, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ... Право, не знаю, какъ разъяснить это противорѣчіе, что тутъ подумать и что придумать... Ба! да стану я самъ разыскивать, разсматривать, опредѣлять!... Въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться, потому что за него ручается мнѣ, во-первыхъ, то обстоятельство, что я сталъ теперь лицомъ-къ-лицу со зломъ и буду дѣйствовать подъ вліяніемъ тѣхъ же ошибокъ, заключающихся въ законѣ; а во-вторыхъ, убѣжденіе докторскаго помощника, которое, кажется, весьма основательно, что госпитальную истину можно открыть посредствомъ одного холоднаго анализа и что тогда, отыскавъ корень «непотребныхъ нашихъ дѣлъ», представится возможность вырвать его вонъ, а вмѣсто его насадить сѣмена добра... Рѣшено: начну анализировать и доискиваться!...

Все это очень хорошо, и я употреблю всѣ силы для того, чтобы придти къ своей цѣли возможно прямымъ путемъ; но вотъ вопросъ: какой же пользы можно ожидать отъ моихъ изслѣдованій и открытій? Человѣкъ я, по выраженію дѣдушки, маленький, и потому на мои изслѣдованія едва ли кто захочетъ обратить вниманіе, а моимъ открытіямъ, просто, никто не повѣритъ, особливо, если они будутъ говорить за чиновника. Да и для какой, въ самомъ дѣлѣ, надобности буду я хлопотать? Ради собственнаго удовольствія? потому что кто жъ меня за это поблагодаритъ?... А, напротивъ, всѣ говорятъ, что этого не слѣдуетъ дѣлать, да еще и выставляютъ болѣе или менѣе основательныя причины... Ну, а если, къ тому же, да, намѣсто благодарности-то, дадутъ мнѣ, по выраженію Брыковского, «волчій

билетъ», какъ дали его Гинтеру? Или если я, какъ сказалъ помощникъ, Павелъ Алексѣичъ, закончу свое дѣло тѣмъ, что «уподоблюсь рыцарямъ, которые падали подъ бременемъ сильныхъ ощущений»?... Но пусть же я паду, а ужъ корень и причины открою и приведу въ извѣстность слѣдующіе вопросы: 1) Дѣйствительно ли такъ много виноваты наши чиновники, что даже не представляютъ изъ среды своей пріятнаго исключенія? По крайней мѣрѣ, я не слышалъ о немъ, а если и слышалъ, то оно отзывалось ироніею. 2) Нѣтъ ли такихъ причинъ, которыя противъ воли самихъ чиновниковъ усугубляютъ зло и освящаютъ его господство собственною его давностью? 3) Уменьшится ли существующее зло, съ устраненіемъ причинъ его и съ увеличеніемъ средствъ чиновника къ жизни, сообразно открывающимся потребностямъ? Уменьшится ли оно только въ нѣкоторой степени, или же до безконечно малой величины? Нечего и говорить о томъ, что желать полнаго «искорененія» зла есть глупость въ своемъ родѣ не послѣдняя, потому что, для искорененія зла по госпиталямъ, можетъ быть дѣйствительнымъ только одно средство — упраздненіе ихъ, точно такъ же, какъ для искорененія зла въ мірѣ — надо обратить міръ, по прежнему, въ хаосъ... Да, это такъ!... Но чтó, бишь, еще я долженъ привести въ извѣстность?... Да! какія сѣмена слѣдуетъ насадить вмѣсто плевелъ, которыя я намѣренъ (о, гордость челоувѣческая!) вырвать изъ госпитальной почвы? Да еще, право ли общественное мнѣніе, осуждая и казня, а не исправляя ошибокъ, послужившихъ основаніемъ челоувѣческихъ дѣйствій...

Но чтó это? Куда привела моя филантропія, мои честныя намѣренія? Я заговорилъ навѣрное о томъ, чего почти совсѣмъ не знаю; я продаю шкуру, не выдавъ еще медвѣдя... Нѣтъ, нѣтъ! домой моя фантазія.

Ciemno wszędzie, glucho wszędzie...

А. СЛЕСАРЕВЪ.